

14

С М И Е Ш А

1944

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

С М Е И А Р А С С К А З Ы В А Е Т ЗА КРУГЛЫМ СТОЛОМ

Фотоиллюстрация Оксаны Сокирки

Раз в месяц, в воскресенье, по радио раздаётся голос кухонки и слышатся весёлые удары старинных часов. И голос председателя приглашает гостей занять места за «круглым столом». Так называется радиопередача для школьников и юношества, которую проводит Всесоюзный радиокomiteт. Она называется «У нас в гостях».

Перед микрофоном, за «круглым столом» собираются знающие люди нашей страны — герои Великой отечественной войны, мастера социалистического труда, крупнейшие артисты, писатели, музыканты. В гости приглашаются также представители лучших школ, инженеры, деятели науки, юные олимпийцы, таланты и т. д. В форме живой непринуждённой беседы приглашённые делятся с радиослушателями своим опытом, фронтowymi впечатлениями. Мастера искусства читают, поют, играют перед микрофоном.

За «круглым столом» уже побывали генерал-лейтенант Г. Морозов, Герой Советского Союза капитан Катрич, депутат Верховного Совета СССР И. Туломин, лауреаты Сталинской премии Л. Оберин, Л. Оборин, Г. Хрущович, Б. Чернов, С. Денисов, А. Шагурина, С. Михайлов, заслуженные артисты РСФСР Карини Ани, Л. Утегов, К. Эрдели, артистка Р. Зелёная, писатели Алина Барто, Эль-Регистан, членов Мюсселя на показатах гримасьеров В. Симаслов и другие. Недоурочный председатель «круглого стола» — писатель Лев Кассиль.

Эта передача вывела жизнь сотен школьников. В каждое первое воскресенье месяца тысячи юных радиослушателей с нетерпением ждут момента, когда на Москвах раздаётся голос традиционной кухонки и председатель объявляет: «Сегодня у нас в гостях...»

На снимках: сверху — сидят за «круглым столом» писатель Симаслов Борис Чернов, Лев Кассиль, Сергей Михайлов, Эль-Регистан, К. Эрдели, вокруг них — учащиеся московской школы № 135 со своим воентруком тов. Остроградским; справа сверху и слева внизу — Е. Чернов, В. Симаслов и С. Михайлов прослушивают томфони, на которых записана беседа за «круглым столом» для повторной передачи; справа внизу — звукоинженер Д. Гихлин и режиссер-монтажер А. Слонимича за пультом в аппаратуре регулируют звук и записывают беседу на томфони.

С М Е Ш А

№ 14

Июль

1944 год

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

С ИМЕНЕМ ЛЕНИНА

Воины-комсомольцы, награжденные орденом Славы, Сиса (паровик) ефрейтор М. Беркутов, сержант Ф. Полушкин, младший сержант Г. Рабатов, младший сержант А. Кларкин и ефрейтор Ф. Аракина.

Двадцать лет назад Коммунистический союз молодежи принял имя Владимира Ильича Ленина. В манифесте VI всесоюзного съезда ВЛКСМ об этом событии было сказано словами простыми, ясными и от чистых сердец:

«Не для красного словца, не из желания носить лучше из всех имен, не только для того, чтобы почтить уважением, приняли мы это решение. Нет, мы приняли его для того, чтобы вся трудящаяся молодежь всех народов, населения СССР, вместе со своим первоочередным отрядом — Коммунистическим Союзом Молодежи, прониклась единой волей и твердой решимостью научиться ленински жить, работать и бороться, осуществлять заветы, оставленные нам Лениным».

Прошли долгие годы трудов и борьбы. В июле этого года исполнилось двадцатилетие с того знаменательного дня, когда комсомол принял имя великого Ленина. Двадцать лет с именем Ленина за знаменем и в сердцах, руководителями и направляемая твердой рукой большевистской партии, гениальным вождем и учителем Сталиным росла и крепла советская молодежь.

Во всех проявлениях нашей жизни и в нашей борьбе мы видим участие комсомола. Строились ли новые гиганты индустрии или возникали на пустых местах новые города; засеивали ли хлебами новые земли или штурмовались всходы для человека эпохи стратосферы — всюду проявляла себя молодежь — патристичная, трудолюбивая, героическая советская молодежь. Магнитогорск, Комсомольск на Амуре, освоение Арктики, строительство Московского метрополитена — все это славы страницы и обаятельной летописи жизни и борьбы великого комсомола.

В грозные для нашей родины дни, когда немецко-фашистские полчища вторглись на советскую землю, молодежь как один человек встала на защиту отчизны.

На сборке орудий комсомольская бригада тов. Кичинина систематически переносит нормы. Это одна из лучших бригад на заводе, где комсомол ЦК ВЛКСМ тов. Васильев. На снимке слева извешено членом бригады Л. Веникова, А. Монастырский, Н. Мавышев и В. Курисова, А. Монастырский и на 180 процентов. Фото В. Кудрявцева.

Беспримерные подвиги во имя родины ежедневно, ежеминутно совершает наша молодежь не только на передовой линии фронта, но и в тылу — на заводах, на колхозных полях. Комсомольцы, молодые стажерыми военного времени, показали примеры высокой производительности труда. Комсомольцы взялись за организацию на заводах фронтных бригад, ставивших целью давать больше продукции с меньшим числом рабочих. И этот юный был подвиги молодежи всей страны. Комсомольцы выступили боевыми вожаками соревнования сельской молодежи за высокий урожай.

Молодость определяется не только годом рождения, она определяется кипением жизненных сил, свежестью мыслей, энергией, пылкостью, настойчивостью в преодолении трудностей, достигая поставленной цели. Все это — в активе советской молодежи, написавшей на своем знамени имя Владимира Ильича Ленина, идущей по пути побед под мудрым водительством великого вождя и полководца товарища Сталина.

Колхоз имени Кирова, Томского района, Днепропетровской области, собирает около 200 тысяч пшеницы с гектара. На полевом току колхоза зерно, получаемое на-вод комбайнов, тут же проваляется и отбужается на элеватор. Комсомольцы помогают сделать свой колхоз прекрасным. Фото Е. Ткалова (фотохроника ТАСС).

Антон Белевич

Муравьиный угол

В тихой чаще угол муравьиный.
В изумрудном шесте стою...
Здесь знаком и с краевой рябиной,
Каждую тропинку узнаю.

Что ж так тихо у лесной сторожки?
Хоть бы осины несно зявели...
Стыжки мои, стёженьки-дорожки.
Вы к могиле братской привели!

Сколько их в синюющем тумане
На земле родимой полегло!
Я стою и вижу: на поляне
Их бессмертье ярко расцвело.

★

Бабье лето

Бабье лето белой паутиной,
Как струною натянутой, звенит.
Поле — колкой ряжено щетиной,
Ловит тонкой паутиной нить.

Лёгкой позолотой берёзы
Слышат извесь летнюю красу.
Над рекою в паутина лозы,
И рябина стройная в лесу.

Вот на сизых крыльях голубиных
Паутина увает в бор.
Может быть, повиснула на осинах,
Лето погостит среди озёр..

Перевод с белорусского
Веры Звягнцовой

Возвращение

Фото С. Коргокова

Саломея Нарис

Весна вернулась!

На дорожке спавшейной
Трава плетом шумит.
День весны моей земной
Возвратился в сад.

Время кружится метелью,
Завершится круг:
В боевой, простой шинели
Возвратится друг.

Возвратится... Мы в разлуке
Уж четвёртый год.
Скажет что же эти руки
Холодны, как лёд?

Не заметит он, что стала
Я почти седой...
Буду снова, как бывало,
Прожней, молодой.

Возвратился май с изюном,
Спитывает сад.
День весенний в баске юном
Вновь пришёл назад.

★

Пой, сердце

Пой, сердце, не смолкая, пой,
Пой о земле, о поднебесье.
Путь бор с песчаной тропой
Шумит в твоей высокой песне.

Пой, безмятежный, иный день.
Что быстрой ласточкой несётся.
Рябины серебряной тень,
Скрип деревянного колоды.

О мужестве родной страны
Пронюй, ипоймайши тень,
Валуги — уж на небе видны
Победы яркие зарницы.

Пукай возмездия напев
Самшит ограненной стрелой
И расчёт врага твой гнев,
Смертельной захлестнёт петлей.

Перевод с литовского
Веры Звягнцовой

Наско трёх лет разлуки
белорусская земля вновь
встречает своих воинов.

Тяжёлые самодельные
пушки, пробитые орьне
во вражеских укреплениях,
идут вдоль белорусских
садов (справа вверху).

Снабры - разведчики со
спинками милоуловившими
расчистили армия дороги
к победе. На втором плане
сверху — красноармейцы
В. Малышев, П. Развозов,
И. Портенко и И. Парфё-
нов, показавшие образцы
храбрости и мужества. Под
достоиня огиби противника
они «выудили» и обезвре-
дили более 2 тысяч немец-
ких мин.

Как горяча народная бла-

годарность, знает лишь
тот, кто её получал. Вот,
груда белорусского обу-
стивла бойцов-товарищей
И. Витковина и С. Беге-
зовского (справа снимок
спереду). Старый возок
И. Иванова, три года нахо-
дившийся в немецкой ве-
нозе, брошеная в боймя,
чтобы принять их в грудь.

И, наконец, вот они, воз-
вращения. Земля ещё ош-
тала колодой проволочной,
но на дороге, во трагата,
но тропинкам уже катятся
ручные тележки, гружёные
сфером. Люди полара-
няются на родные земли.
На спиноде вину — возвра-
щение в родной город
линского рабочего В. Нас-
кентца со всей его семьей.

Академик Игорь Грабарь

ГЕНИАЛЬНЫЙ ЖИВОПИСЕЦ

К столетию со дня рождения И. Е. Репина

Пятию августа 1944 года—столетие со дня рождения великого русского художника Ильи Ефимовича Репина. С огромной радостью и любовью к своему гениальному живописцу отмечает наш народ эту знаменательную дату.

Ещё при жизни Репина, к 80-летию художника, была устроена две большие выставки его произведений: одна—в Москве, в Третьяковской галерее, другая—в Ленинграде, в Русском музее. На первой были показаны материалы галереи и произведения из частных московских коллекций, на второй—все картины и рисунки Репина музея и ленинградских собраний.

Когда спустя шесть лет, в 1930 году, пришла скорбная весть о кончине Репина, советское правительство постановило организовать грандиозную выставку, на которой сосредоточить все его художественное наследие. Было решено объединить коллекции обоих центральных музеев, дополнив их репинскими произведениями, находящимися в государственных музеях Советского Союза и в частных руках.

Для подготовки такой исчерпывающей выставки понадобилось несколько лет упорной научной и организационной работы. Открыть её удалось лишь в 1936 году в стенах Третьяковской галереи, куда со всех концов страны были доставлены произведения Репина. В том же году выставку в полном составе перевезли в ленинградский Русский музей, откуда впоследствии направили в Киев.

Так Советская страна почтала память величайшего русского художника, жителя и умершего на чужбине и работавшего там в течение последних лет жизни, но русское до мозга костей, русское по духу и всему своему замечательному искусству.

В 1900 году И. Репин посылался в дальнюю местность по Петербургу — в деревне Куоккала. Здесь у него была провальная выставка на весь свет судьбы «Попытка, или зрелище разграбленной и осквернённой землицы и финских фашистами. В «Пенятах» Репин прожил почти безвыездно 30 лет, создав десятки всемирноизвестных картин и думая всегда оставаться со своей родиной, со своим народом, в который он горючо верил.

В нашей стране И. Е. Репин—любимый, популярнейший художник. Откуда такая популярность Репина? За что его так ценят и любят?

Прежде всего за то, что Репин всё своё творчество отдал служению одной идее, которой не изменился на протяжении всей жизни. Эта идея—непрерывная борьба средствами искусства со всемирным насилием, гнётом, эксплуатацией человека человеком.

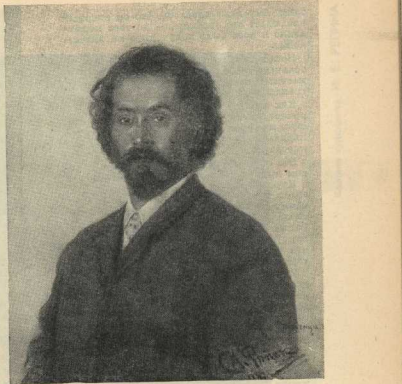
На этот путь Репин вступил ещё в юношеские годы, на школьной скамье.

В 1868 году Илья Ефимович особенно упорно работал над картиной «Иов и его друзья». Утомившись от непрерывной работы, он решил в один из воскресных дней перелохнуться и поехал на пароходе в дачную местность на Неве. Вспоминая об этой поездке, Репин много лет спустя описывает чрезвычайно нарядную толпу гуляющих, яркие платья женщин, сверкающие на солнце частные лодки и зонтики.

Но больше всего он запомнил, как вдруг в эту пеструю толпу ворвался что-то страшное, коротышеское, сальное, заставившее сразу всех жемчужную картину праздника. При ближайшем рассмотрении это «что-то» оказалось группой бурлаков, тапавших по берегу тяжело гружёную баржу, снесшую глубоко в воду.

Вид этих людей, наполнито потерпавших от непосильного труда человеческий облик, одетых в рубища, с врезавшимися в загорелые обнажённые груди лямками, к которым были прикреплены верёвки тяжёлой баржу, произвёл на Репина такое впечатление ужаса, что он не мог здесь долго оставаться и вернулся в Петербург. Несколько дней подряд он ходил сам по себе, не находя себе места. Он анорхично набрасывал эскизы, стараясь передать впечатление, вышедшее от страшного зрелища. Особенно потрясшими представлялись ему контраст между народной толпой праздных людей и нечеловеческим трудом бурлаков, превращённых в род вычуженого скота.

Репин решил писать на эту тему картину, доказавшуюся бранным вызовом тем, кто создаёт такое неравнодушие людей. Несколько лет спустя картина «Бурлаки на

Илья Ефимович Репин. (Автопортрет. 1887 год).

Воле» была написана, ибо только на Воле Репин нашёл наиболее яркие типы бурлаков тогдашней России.

Картины, трактованные тему подневольного труда, писались по раз и прежде, но никогда никому не удавалось поднять эту тему до такого уровня, до степени такого грозного обвинительного акта против эксплуататоров правящих классов, как этот постиг Репин.

Но одним идеями искусство не покоряет. Для идей должна быть найдена соответствующая форма, идея должна быть облечена в форму, максимально художественную и максимально выразительную. Для отыскания такой формы Репину понадобилось немало пяти лет. Но и найденная форма вскоре уже не удовлетворила вычужденного и требовательного к себе художника. Живопись картины ему казалась слишком жарковатой, свет — недостаточно солнечным. Репин, воспользовавшись попутной заграничной командировкой, направленной в Париж, родины всех новых световых и цветовых исканий в живописи, Париж, подлинный наследник Флоренции, Рима, Венеции, некогда ваятели и замковладельца европейской живописи.

В Париже Репин значительно освоил свою палитру. Но вскоре он стеснялся по родине и, не дожидаясь окончания положенного Академией художества срока командировки, вернулся в Россию.

Илья Ефимович потонул в его родной город Чугуев, тогдашней Харьковской губернии. Как он сам признавался, ему хотелось опуститься в самую гущу России, изучить её жизнь, работы и думы и создать картину, которая отобразила бы провинциальную Русь.

Такая картина была создана Репиным в течение семи лет со времени возвращения его из-за границы, в 1876—1883 годах. Выставленная в 1883 году, она спонтанно и навсегда завоевала для себя республику величайшего русского художника. То было большое полотно «Крестный ход в Курской губернии».

Уже вскоре по возвращении в Россию в окрестностях родного Чугуева Репин увидел крестный ход. Он видел его раз и прежде эти процессии с иконами и хоругвями, но на этот раз он увидел ещё новыми гла-

И. Е. Репин. «Золоторожцы». (Вариант картины 1891 года).

жами. Ему даже казалось, что он впервые наблюдает это зрелище, — до того неизвестно и ново было полупотоплен или вкопанный в землю.

После ряда предварительных авторитетных работ, эскизов, рисунков, этюдов, насытившихся сценами, Репин создавал грандиозную картину-эпопею.

Как известно, «эпопея» называется героическая поэма, составленная из эпических народных песен. Составляющих элементов события и характеризующих быт народа известной эпохи.

Это определение понятия «эпопея» целиком применительно к картине «Крестный ход в Куржской губернии». Из отдельных эпизодов, характеристик и наблюдений, впечатлений из долгого изучения явления, которое получило название «Крестный ход», Репин создавал такую истеричную картину провинциальной России 1870-х годов, что по повноте её можно сравнить с «Мёртвыми душами» Гоголя.

Как Гоголь узкую тему чичиковской авантюры превратил во всеобщую картину провинции. Из рассказа 40-х годов, так Репин, используя тему крестного хода в качестве фона для задуманного им произведения, рассказал нам всё, что можно было рассказать о провинциальной русской галлии 70-х годов прошлого столетия.

Репин не пожалел красок для её изображения, но в его грозной сатире нет преувеличений, нет шаржа. В рассказе до конца. Разглядывая фигуру за фигурой в каргине, можно о каждом действующем лице — а их изображено со всей чёткостью не менее сотни — написать целую повесть, удивительную и интересную.

Действие происходит в самый жаркий день. В его изображении Репин вкладывает те знания света и цвета, которые им были приобретены путём ознакомления с живописью импрессионистов, в частности французских художников, главным же образом путём изучения натуры — воздуха, воздуха, пейзажа при солнечном освещении. Таких солнечных этюдов, как те, которые послужили основным материалом для картины, до Репина в России ещё никто не писал.

Репин далеко вперед двинул живописную культуру России. С этого начинается новая эпоха живописи, давшая такого великого мастера, как Серов, его ученик и преемник.

Чтобы охватить эту эпоху, как это сумел сделать Репин в «Крестном ходе», и дать такие глубоко характерные отдельных действующих лиц картин, надо было быть исключительно глубоким психологом. Репин — один из величайших художников-психологов. Вот почему ему легко удавалось даже такое, до него недоступное для изображения задачи, как та, которая поставлена им в картине «Иван Грозный».

Выразить одновременно невинность, а не умеренность убийства, довести до сознания зрителя факт убийства в состоянии запальчивости и в то же время дать ему почувствовать злость отца, убившего сына, это безумно, его раскаяние, — это или тема сложного психологического романа? А Репин сумел всё это изобразить не в ряде последовательных эпизодов и сцен, а в одном мимолетном моменте. Кто, кроме него, мог бы справиться с такой задачей?

С точки зрения психологического раскрытия темы замечательна и знаменитая картина «Не ждали», изображающая момент неожиданного возвращения из политической ссылки отца семейства.

Естественно, что такой наблюдательный психолог, как Репин, должен был быть и первоклассным портретистом. И он был им, о чём красноречиво говорит также его портреты, как «Исемский», «Мусорогорский», «Шпорогов» и десятки других.

Но особенно широкое поле для изысканий в области психологии предоставила художнику долговременная работа над извест-

И. Е. Репин. «Бураки на Воле».

ной картины «Запорожцы». Начата в 1870 году, она была закончена только в 1891 году. Ряд эскизов, многочисленных вариантов и этюды к ней свидетельствуют о том, как медленно и упорно добивался художник нужного решения различных оттонок смеха — от лёгкой усмешки до гомерического хохота, от которого содрогается всё тело.

Последним великим произведением Репина была большая картина «Заседание Государственного совета». Заказанная ему по случаю столетия юбилея Государственного совета, картина должна была изображать торжественное заседание, состоявшееся в день юбилея. Предназначалась по мысли заказчиков — царя и министров двора — для увековечения присутствовавших на заседании Николая II, великих князей, придворных, министров и вельмож, картина на самом деле меньше всего является прославлением самодержавного строя. Правильнее её определить, как раскрытие ничтожности и обречённости царского режима. Не даром царь и его окружение картина решительно не понравились: они почувствовали скрытую под внешним великолепием уничтожающую критику, обилие всего строя и, в частности, сошедших здесь «столбов» самодержавия.

Картину Репин писал не единолично, а в сотрудничестве с двумя своими учениками — Кустодиевым и Кузьмовым, но портреты этюды сановников, писанные с натуры, принадлежат лично ему. Эти этюды являлись непревзойдёнными образцами свободной, смелой живописи, достигшими высочайшего мастерства. Даже в

репинском творчестве больше они сверкают как лучшие жемчужины его неувадимого портретного искусства.

Художественное наследие Репина по своему глубоко и изящному содержанию и высокому формальному совершенству оспаривает самым творческим путём несколько поколений живописцев. В своих лучших образах он и впрямь будет служить неиссякаемым источником вдохновения и предметом изучения многих грядущих поколений — всё чему поучился у этого великана русской национальной живописи!

Но не только искусству живописи можно учиться у Репина. Он был не только великим художником, но и подлинно великим человеком и великим гражданином.

Прежде всего Репин был исключительно обаятельным человеком. Мы, негодные оставшиеся в живых его ученики, наблюдали его изо дня в день, испытывая не раз на себе действие его чарующей алчности. В зените мировой славы он «промоглым» оставался таким же простым, доступным всем и каждому, каким был всю жизнь. Ни одного письма он не оставлял без ответа, даже письма детей.

Высокоталантливый и требовательный к себе, суровый в суждениях о собственном искусстве, он был необыкновенно снисходителен к другим художникам. Иные видели в этом черты лукавства, неискренности. Но как раз искренность, безоговорочная, предельная, была ослепительной чертой Репина. С особой известностью относились он своим ученикам, подписывая самые деликатные выражения, чтобы смягчить критику неувадимого этюда, написанного в его мастерской.

Но к себе Репин был беспощаден. Нерадко мы слышали от него по поводу того или другого его эскиза или не удовлетворённой его портрета: «Фу, какую гадость сделал! Или: «Ах, не смотри, это ужасная гадость!» И это не было только словами, Репин буквально презирал себя в минуты особой неувадимости.

Почти бесспорно, как вярду с мягкостью и деликатностью репинской натуры в нём ужасна была такая огромная сила сопротивления и такая стойкость, когда дело шло о том, что Илья Ефимович считал своим гражданским долгом. Не всем известны портреты реакционеров царской России, даже тогда, когда их заказывал сам Третьяков. Так, несмотря на все упования последнего написать для Третьякова портрет известного марксиста, издателя «Московских ведомостей» Каткова, Репин категорически отказался от этого заказа, только что Третьякову ничего не оставалось, как оставить эту мысль.

О Репине-гражданине можно написать целую книгу. Репинской стогости можно и должно учиться так же, как репинскому великому искусству.

И. Е. Репин. Портрет композитора М. П. Мусоргского.

«Л. Н. Толстой на плуге»

Картина художника И. Е. РЕПИНА

ДЕРЕВНЯ ЧЕРНУШКИ

Торжественная иерунимая тишина висит над сосновым бором, за которым скрывается деревня Чернушки.

Скрытая эта русская лесная деревушка, раскинувшаяся вдоль берегов реки, носившей то же название, претерпела на весь мир и вошла в историю Великой Отечественной войны.

Здесь сражались и здесь погиб девятинадцатилетний автоматчик, комсомолец Александр Матросов.

Тело Александра Матросова товарищи похоронили на опушке соснового леса. Вот эта могилка. К ней пропята тропинка. Сюда с дороги сворачивает бока, возвращающийся в свою часть из госпиталя, санитар, очинивший от вражеских мин освобожденную землю, связист, прокладывающий линию... Портрет Матросова. Кто-то украсил его хвойным венком. За могилкой возвышается мощный бурей доты, словно эмблема того полвота, который на него прославил имя похороненного здесь человека. Темнеет амбразура.

Мы идём по местам, где год назад вместе со старшим лейтенантом Артюховым заняли К немецким позициям его связной Александр Матросов. Узкая тропа проложена среди заболоченного леса. На опушке линии наших окопов. Они не вырыты в землю, а подняты на ней из галки, торфа и стружек. В боюте нельзя было зарыться. За окопками начиналась нейтральная полоса. Она захватывала восточную часть Чернушки, а западная — сточную часть. За рекой, была у немцев часть деревни, за рекой, была у немцев часть деревни, но найти её сейчас можно только по карте. Безжизненное поле раскинулось перед нами — поле боя, где погиб Александр Матросов.

В стороне виднеется холм немецких окопов. Не к тому ли среднему доту, что возвышается у берега, кинулся герой в тот момент, когда шесть его товарищей погибли, пропавшие синином? Поздней вражеских миныных полей доту колючей проволокой, за которой немцы просидели больше двух лет. А вот и первый немецкий блиндаж.

В этот момент, когда мы остановились около него, из блиндажа вышла женщина с ведрами. Что она делает здесь среди минных полей и колючей проволоки?

— Вот здесь, где вырыл блиндаж, стояла мой дом, — рассказывает Акулина Иванова. — Тут в Лобомировских хуторах, около деревни Чернушки, мы жили в семье колхозника, всей семьёй муж мой, птёрно наших детей и старик-отец. Селаи лён, пахали землю. Колхоз наш авдкий был. А потом война навалилась, всё ближе и ближе, и однажды лётным днём вилии — со стороны Южкова немцы едут. Муж мой к тому времени ушёл в Красную Армию ушёл. Остался я одна с детьми и стариком. Что делать? Схватываю на руки младших, старшие за мной бегут. Старик сас поспевает. Бежала, себя не помнила, болотами, по воде. В лесу скрывалась, а отца потеряла и есть нечего. Ночью одна пошла искать старика. Но не нашла его живым — убили немцы...

Так с маленькими детьми прожил я в лесу до глубокой осени. Когда болота замёрзли, разведчики-бойцы вывели нас за Ловат. Вот я с детьми да ещё Антонова из Чернушки только и уцелела. Осетых немцев там поубивали нас с собой утаили.

Жила я отсюда за 30 километров, а всё в родные места тянула. Несколько раз сюда приходила — всё думала: прогнани

немцев. Но наши, советские бойцы меня назад возвращали. А тут слова пошла с сыном Васей, и никто нас не останавливает тихо кругом. Вышли к сосновому бору, на опушке могилка, а над ней портрет. Лицо молодое, лущезное. Прогла, что здесь герой Матросов похоронен. Дальше пошла, вот уже и окопы, а вилкого не видно. Вышли в поле, кругом галки торчат — «Мины». Тут мне два бойца встретились. Ну, думаю, сейчас поворнут, а они мне говорят: «Мы, гражданка, с тропинки не сворачивайте».

Иду, родной земля не узнаю. Там, где деревня Чернушки стояла, — здесь страшное поле. Пошла к тому месту, где дом наш был, слезы побежали. Ничего не оставило, прокладите, только этот блиндаж. Вошла в него и свои стоны узнала. Из моего дома сложил немцы свое войну. Вышла из блиндажа, галку кустик черемуки урели. Дальше вижу среди мии триутки сморданы торчат. Мы их перед самой войной с мужем сядили. И как-то легче сразу стало. Нет, не могли, прокладите, как ны старались, уничтожить

Могилка Героя Советского Союза Александра Матросова. (Снялок сделан в феврале 1944 года)

жизни. Потом подумала: а может, и хлеб есть? Забрала и перед самым приходом немцев под избой 25 пудов хлеба. Стаи мы с сынком вместе раскипнать — и хлеб наш. Тогда решила я: буду жить здесь. Мило какой-то большой коммунист шёл. Я к нему. Он улыбается и говорит: «Мы рады, что вы вернулись. Живите себе на здоровье».

Потом к саёврам, которые с ним были, обратился и приказывает дорожку мне от блиндажа к реке среди минного поля проложить. Вот она, дорожка, — и Акулина Иванова указала нам на узкую тропинку, по обеим сторонам которой лежали безвременные мины.

— Там у нас огород был, а немцы сморго его засыпали. Ну, ничего, будем жить здесь. Хлеб растить будем...

Женщина замолчала. И мы вспоминали слова Александра Матросова, сказанные им перед тем за эту деревню:

— За что немцы убивают наших людей? Только за то, что мы, русские, любим нашу землю, свой народ. Потому нет для нас иной священной обязанности, чем храбро и смело драться с врагом.

Вот она, земля, которую так любил Саша Матросов. На ней нет больше немцев. И вот здесь, на этой земле, где стояла маленькая деревушка Чернушки, Александр Матросов пожертвовал своей жизнью для того, чтобы Акулина Иванова и многие тысячи таких же, как она, русских крестьян, могли вернуться в свои дома, растить детей и сеять хлеб.

Дер. Чернушки.

Мих. Златогоров

ВОСПОМИНАНИЕ

Я в письмах, и весёлых и печальных. Написанных твоей родной рукой. Два стареньких билета театральны Храню зачем-то в сумке полевой.

Короткий отпуск вдруг припоминаю: Московский вечер в блеске голубом. Как, не дожидаясь на углу трамвая, К театру торопилась мы бегом.

И завявез взлетал и опускался. И был нам близок пламенный Шекспир. И юным, режким светом озарялся Передо мной позабытый мир.

Потом мы возвращались... До рассвета. В кружении мелодий и теней. И всё виделся нам свищца Джульетта И горестный Ромео перед ней.

И знали мы, где истинное чувство И чем любовь прекрасна и светла. Быть может, лучше понимать искусство Нам звучала горе и воина.

Борис Лавренца

НАВЗИКАЯ

Рассказ

Рис. Л. Бродяга

Берег приближался странно медленно. Лейтенант Чайнов опробовал на спину и поворачивая растянулся на воде, клочьями плавной волной.

Сколько времени он плавал? Какое расстояние он проплыл? Понятие о времени и расстоянии было утрачено им в той минуте, как он выскочил на тонущую тушку, пропавшего пулемётчика эсмерсшпитца.

Проклятый момент! Он пытался ещё стрелять по Чайнову, когда лейтенант уже бросился в воду. Берёза в это время отвалилась километром дельты. В воде Чайнов сбросил всю одежду. Отставил только фуражку, чтобы солнце не жгло голову. Но зачем он так же расстаться с паспортом моряка — тельняшкой! Он ещё был пристодит к кобуре. Он немного мешал, в особенности когда приходилось лежать на спине. Пристаёт тизму середину туловища плыви, и нужно было от торы до времени подгибать усталыми руками, чтобы держаться на поверхности. Но бросить пристаёт лейтенант не хотел — это было последнее и единственное оружие. Оно могло пригодиться.

Последние метры до берега оказались самыми трудными. Волны накатывали на него шумящими пенным накатом и отваливались обратно, увлекая собой тяжёлые пробивающиеся кусочки вёб плавца, но дельта выбросила его на берег, обставившим прибором голыши плавца. И пока лейтенант боролся с волной, его неотступно преследовала мысль, что эта борьба может оказаться напрасной, что в тот момент, когда он встанет на берег, его могут схватить ноги, из щипки кустарников вынесутся дула автомата и чужой, кришлый голос прокрикает: «Халти!»

Волны, наконец, вышвырнула его ослабевшее тело на голыши. Дельта гудела. Чайнов ощущал нежашую, особенно мизну сейчас теплоту нагретых за день камней.

Солнце уже висело над широкой синей водой, названное предвзвешной жеманной. Пляж был неширок. От урва воды до пляжа, где начиналась гуща кустарника, было не больше сорока шагов. Лейтенант, пригнувшись, разглядывал кусты. Он всё ещё не уверял себя яснотой, малосалистой землицы. Он слышал от воды, неосознанными плавцами он растянут кобуре, вытисшил пристаёт и ветряшка им в воздухе, чтобы вылезти из стала воду. Потом встал в рост и цепко схватился за окружающую голыши, медленно пошёл к кустам, готовый мгновенно кинуться назад.

Но всё было тихо, и он развешивал лесой рукой первые ветки, но уловил ни окрикнул ни восторга. Мгновенно слушал от нечез в землице. Это была первая удача. Теперь его не могли увидеть ни с моря, ни с земли.

Кусты теснились плотной, непроходимой стеной. Лейтенант прихотилось прощипать её голыши и всем телом отгибал и осторожно отступая ветки, чтобы не шуметь. Шипы и колючки впилились в тело, но он не замечал паралича и проступавшей капелек крови.

Берег померло поднимался вверх. Где-то вверху валола задорная пичуга. Чайнов остановился, прислушиваясь. Нежный, мелодический звук, похожий на звон стекла о стекло, слышался издалека. Лейтенант пошёл по направлению этого звука. Неожиданно кустарник распахнулся перед ним, и он увидел в ложбинке человека. Неожиданно кустарник распахнулся перед ним, и он увидел в ложбинке человека. Неожиданно кустарник распахнулся перед ним, и он увидел в ложбинке человека.

ному скату обогала тонкая плавка воды и надела в маленький водоём, выбитый в камне. И как только Чайнов увидел воду, он понял, что его мучит жажда. Он провёл весь день в воде, но эта вода не утоляла жажду. От неё только распухла и потрескалась губы и во рту стола отвратительный козметный привкус.

Послушав тишину, лейтенант шагнул к водоёму, спустился на колени и сгубнул лицо в колодушу, чистую воду. Долго и жадно пил маленькими, частыми глотками. Счастливым, отвалился от водоёма и сел на камень, наслаждаясь неподвижностью отдышки.

Ужас, он благополучно вышел из передурия, он остался жив. Но времени было немало дела и дела трудного. Сначала надо определить, где он находится и в какую сторону нужно идти. Путешествовать в одной тельняшке — переносить маалоблагодария. Полосы тельняшки на зелёном фоне видны издаалека, и человек в тельняшке так же вылезавше замечен в лесу, как зебра на снуге. Кроме того тельняшка, вылезавше замечена, может прикрыться. Уже и сейчас сверху, с горы, тизлау влажной сыростью.

Лейтенант сидел, отговил голову, машинально разгребая пальцами ноги мелкую гальку у водоёма. Вдруг он резко остановился: наверху над источником послышался быстрый, влиские шаг. Кто-то уверено и торопило шёл к водоёму, видимо, знакомой тропкой.

Чайнов откинул предохранитель пистолета и бешувано отдала извая, в снуге зелени. Солнечное злато уже погасало на листе, и по ней пробегали дымчатые тени. Шаги приближались. Они звонко стучали по камням. И вместе с этим стучком слышались хлопанье и маляуа дельты, какую-то песенку. Голос был высоким, детский или женский, и это успокоило лейтенанта.

Придвиги наземь, Чайнов ждал. В нише, образуемой кустарником на приподнятой от воды холмики, маляуа дельты, плыва, и в рознику спиритичуа тоненькая девушка. В руке у неё было синее эмальерванное ведро, которое она поставила на край водоёма.

Теперь лейтенант хорошо видел её. Её было всё простоналца. У неё было худощавое смуглое лицо с выдвинувшими скулами и бошине тёмные глаза. Синичный свараши, из которого она явно выросла, она доскода её но колени. Ноги её были обуты в деревянные сандалия. Они и стучали так звонко по камнезистому спуску.

Девушка стала колеской на край водоёма, подняла ведро и поставила его под струю, с троекот ударившую у эмальерванное лицо. Девушка, улыбаясь, смотрела на воду и снова замуркавала песенку.

Голубоватая тишь, испуганный сумеречный свет, дождливый, зумтывающий колд и мелодия песни свалилась в общую симфонию мира и покоя, и Чайнов залобавился из своего укрытия на эту девушку. Он уже забыл о своём сложном положении.

Ведро наполнилось до краёв. Девушка переуватила его. Её хрупкая фигура изогнулась от глазасты. Чайнов понял, что сейчас она уйдёт. Нужно было решиться. Иначе это амальерванное злато исчезнет и неизвестно, кто может прийти к роннику на смену ему. Только бы она не испугалась и не закричала.

Словом, стараясь придать как можно больше мизну голоду, он окликнул:

— Остановитесь!

Она мгновенно повернулась на звук его голоса, но не издала ни звука. И лейтенант с удивлением замечал, что в тёмных развях, устремлённых на кустарник, не было и тени страха. Только удивление и любопытство заострились в них. Она стояла, держа ведро за плечи, и прислушивалась. Потом она вдруг сказала сказанный почти шопотом вопрос:

— Кто моя жена?

— Я, — отвела Чайнов. — Я тут, в кустах.

Девушка улыбнулась:

— Почему же вы спалите там? Выходите сюда. Кто вы?

— Я не могу... Я не одет. То есть на мне только тельняшка — растерянно сказала девушка.

Девушка опустила ведро наземь и выпрямилась.

— Тель-ни-шка? — произнесла она нараспев. — Вы моряк?

— Да, лейтенант, — ответил Чайнов.

— Моряк? Неужели правда? Наш моряк? Откуда вы? Как вы попали сюда?

— Что вы там делаете в кустах?

Она без остановки сыпала тихими и влискими вопросами, и Чайнов увидел, как тёмнорозовая кровь залила её остренькие скулы. Она торопилась спрашивать, даже не ожидая ответов.

— Как вас зовут? Вас никто не видел, кроме меня? Видно, и после чего я вижу. Да покажите же хоть немножко, а то я не могу так разговаривать с вами, — жадно сказала она.

Лейтенант осторожно высунул голову и напечат на амисты, и девушка всплакала руками:

— Боже мой! В самом деле тельняшка!

Она выговорила слово «тельняшка», как выговаривают люди амальерванного человека, с расхождением: «амальерванное».

— Скажите мне, где я нахожусь? — спросила Чайнов. — Мне очень важно знать, куда я попал.

— Это Нижние Отуры. Знаете личную станицу. Так они зовут и я живу там.

— Так... Нижние. Немцы здесь есть?

Девушка покачала головой, и глаза её стали хмурыми:

— Немцев нет. Они румыны. Они в деревне есть. Немного, всего двадцать. Но в деревне они почти не бывают.

Только по ночам их патруль обходит берег. Они не должны вас увидеть.

— Конечно! — усмехнулся Чайнов. — Это как раз то, о чём я и раньше всего мечтал. Но почему вы не хотите остаться? Румыны всегда прохотят возле ронника. Вас лучше спрятать... Поляйте.

— К сожалению, я икуда не могу проехать, — заметила девушка, — пока у меня не будет какого-нибудь прикрытия для тела.

— Ай, как же я забьяла! — сказала девушка. — Тогда вот что... Подождите меня. Я никого обогла. Сейчас уже темнеет. Скоро ночь и никто не будет видно. Я вам мамши халат принесу. У вас мужских вещей совсем не осталось.

Она подхватила ведро и сделала несколько шагов на холмик.

— Постойте! — остановила её Чайнов. — Ответьте честно: я могу вернуть вам и вашей семье? Вы мне правду говорите?

В сумерках он уже не видел лица девушки. Она отгнетила не сразу, но по дрожащим очам он почувствовал всю остроту настоящей ей обиды:

— Раз вы такой, то ждите кого-нибудь другого, кому сможете поверить.

— Дайте мне, пожалуйста, — серьёзно сказала лейтенант. — Я задам бы этот вопрос ещё даже своему отцу. Время торопное и жестокое. Я на вражеской земле, и вы, как бы это сказать... временно тоже не свид.

— Не смейте так говорить! Я никогда не свяну чужой, хоть бы немцы сидели тут сто лет.

— Это правильно! — отвела Чайнов. — Тем не менее, немцы сейчас сидят здесь очень много. Скоро появятся пулем.

— Правда?

— Румыны! — сказала лейтенант.

— Дайте мне. Кто бы ни пришёл, не показывайте.

— Ясно!

Домчихе сандалий заставляла по камням, удаляясь. Чайнов остался один, ёжась от холода, сжимая в руках свои пальцы, и ему казалось, что всё, что произошло с ним, и эта нежданная встреча — всё это было уже когда-то и где-то, может быть, с ним, а может быть, с кем-то дру-

гим. Но и этот берег, усеянный голыми камнями и покрытый шившией аспой наката, и розовые луча закатного солнца, и густая дымка кустарника, и волнистая струя, падающая в чистый воздух, и алая дымка, обвивающая по тропке к водоёму, всё было столько и мучительно знакомо. Он извратил память, стараясь узнать себе это ощущение познания событий и событий и вдруг сказал, слыша странно звучащую в ночной тишине иву:

— Навизка! Навизка! — повторил лейтенант и засмеялся, вспомнив толстую истрепанную книгу с латинскими, мягко певучими и ритмичными строчками.

Он вспомнил басня своего отца о странствии хитрого древнего моржа, и ему было приятно, что его собственная жизнь соотносилась с легендой.

На тропке опять заступила дровяшка, и прозвучал тоскующий вскрик:

— Вот я и вернулась. Вы здесь? Берите халат и иди. Яшла дая вас место. Никто никогда не догадался для нас искать... Дь, как вас зовут?

— Одиссей! — сказала Чаянов, принимая галст из прокуренной оловяной невзлюбимой руки.

Наступило молчание.

— Одиссей? — с недоумением и недоверием переспросила дровяшка. — Разве вы не русский?

— Самый настоящий русак. Рязанец, — засмеялся Чаянов. — Но мне нравится это имя.

— Я понимаю, — серьёзно сказала дровяшка, — это — ваше секретное имя. А меня зовут...

— Вас зовут Навизка Царевна Навизка лейтенант.

— Откуда вы знаете? Меня зовут Алей. А это... как вы сказали?

— Навизка. Очень хорошее имя. Вы читали поэму об Одиссее?

— Нет, — ответила с грустью дровяшка. — Я уже второй год ничего не читаю. За русские книжки сиджу в тюрьму... А это интересно, про Одиссея?

— Конечно, интересно, — сказала Чаянов. — Вам надо обязательно прочесть. Тогда вы поймёте, почему я вас так назвала.

— Если вам нравится так называть людей, называйте. Это даже весело. У вас секретное имя — и у меня.

— Умывается Чаянов напалмом застывший в плечах по швам халат и вылез из кустов.

— Вот и дь.

— Как жалко, что так темно... Я даже не могу рассмотреть вас... Только вижу, что вы высокие. Мне нравится высокие люди. Папа тоже большого роста... Дайте мне руку, я поведу вас. Я каждый камушек тут знаю.

— Ужине прохладные палцы обхватили запястье лейтенанта, и он пошёл в темноту за своей маленькой проводницей. Они долго пробрались по глыбам оскудевшего кустарника, камной и корявых стволы дикой груши, оставившиеся, прислушавшись к томительным ночным шорохам. Сбоку заблелась сквозь деревья большие камённые здания.

— Наши здания, — прошептала дровяшка, крепче сжав запястье лейтенанта, — но мы не пойдём туда. Вет-так может зайти патруль. И мама может услышать, если неожиданно увидит нас. Больше лучше, чтобы мама не знала, что вы здесь.

— Разве вы не полагаете на своё имя? — спросил Чаянов.

— Что вы! Но мама стала очень нервная. Ей пришлось столько перенести... Если б вы только знали. А сейчас мне не спит. Она ушла в Верхние Огузы за продуктами. Сегодня разрешённый день.

— Какой день? — удивился лейтенант.

— Разрешённый... Ах, вы же этого не знаете. Нам запрещено уходить со своего поста. За продуктами можно ходить только с разрешения один раз в неделю, по пятницам. А сегодня пятница. Мама вернётся только завтра к полудню.

— Тогда мне не удастся познакомиться с вашей мамой, — сказала Чаянов. — На расвете я должен уйти.

Он почувствовал, как дрогнула маленькая рука, державшая его руку.

— Так скоро? Неужели вы уйдёте? — спросила спутница с отчаянием.

— Я не могу задержаться ни на час. От этого зависит жизнь людей и успех.

— Я понимаю, — грустно светился она. — Но нам так хотелось...

Она выпустила руку лейтенанта. В темноте Чаянов разглядел низкий бетонный куб, прикрытый сверху корявой крапчатой похлывой из сучья кокалада.

— Вы меня хотите з колодец бросить, Навизка? — усмехнулся она.

— Это не колодец. Это наш старый бассейн. Папа держал тут бактрийских сабанов, называя их других рыб. А это они разбояничали. Теперь там совсем сухо. Я полюбил вам матрасик и подушку.

Только спускается осторожней. Там неглубоко, но очень тепло. А я сейчас принесу вам поухата. Вы, наверное, проголодались? У меня есть самны и немножко жареной султанки.

— Ничего не нужно. Я сыт, — сказала лейтенант, хотя при одном упоминании жареной султанки в рот ему побежала теплая слюна. — Не

беспокойте обо мне. Дайте руку. — Он опухнул нашла маленькую руку и крепко сжал её.

— Спасибо, Навизка! — взволнованно и ласково сказала он.

— Не благодарите, — тихо ответила дровяшка. — Я знаю, что папа был бы доволен, если б знала.

— Вы очень любите папу? — спросил Чаянов.

— Нет? — её голос зазвучал проникновенной теплотой. — Да... Папа замечательный.

Чаянов напрыгнул на куб, поднял крышку и спугнулся в отверстие, повиснув на руках. Носками нырнул он нагулаха пола и отпустил руки. Он стоял в крошечной тьме. Только квадратик звёздного неба сиял над его головой.

— У меня ещё одна просьба к вам, Навизка, — сказала он, подняв голову к отверстию бассейна, над которым ссутю тенью снахут дровички. — Неужли вы всётаки раздобыть мне какие-нибудь штаны?

— Я попробую, — доносилось сверху.

Тень сверху исчезла. Крышка бесшумно опустилась. Чаянов остался один. Он провёл обдумывая, насколько его рядом с собой и выткнулся на матрасике. В яме бассейна пахло похлывой и сушёной рыбой. Чрезные круги похлывы верла галемля, койланта, и мгноветный сон сквозил его усталое тело.

Прислушался он так же мгноветно, как и заснул, от тревожного ощущения присутствия кого-то рядом. Повернувшись, он увидел сквозь щели досок голубые полосы

продутого света. И взгляд его встретился с зимневатным и строгим взглядом тёмных гал. Дровичка пристально смотрела на лейтенанта, как будто хотела непременно вобрать в память его облик. Чаянов улыбнулся ей, но она осталась серьёзной.

— Который час? — спросила лейтенант.

— Три... Скоро начнёт рассветать. Я сбросил вам палцы.

Чаянов увидел рядом с матраском грубые, бросанто рыбачьи штаны, штецкую подушку и то, чего он никак не ждал, — горные крымские постолы из буйволовой кожи.

— Как вы ухитрились достать всё это? — весело спросила он.

— Я поступила неспорою, — ответила дровяшка, — и вылезла из дупла сторожа. Я знаю, что это плохо и папа был бы недоволен...

— Ерунда! — перебила Чаянов. — На это раз вы ошибётесь. А сторожа мы не оставим в живых. Важно только, чтобы он не угадал виновника.

— Этого я не боюсь. Он полагается на туманы. Они такие порогги, всё туман...

— Ну, и хорошо, — смеясь, сказала Чаянов. — Отойдите на минутку, пока я переоденусь. Ну, вот и всё в порядке, — он оглядел себя. — Коть на ба! А теперь проведите меня до леса и расклевайте, как дотря верна.

Он приподнял крышку и вылез. Небо уже светало и наливалось алмонным сиянием близкой зари. Ветви трещали орохом тинко навалом дьял бассейном, и их большие жалестые листья были мокры и блестящи от росы.

— Ну, пойте.

Они походили узким овражком, между ореховыми деревьями. Вылезли, встали, и только сухие комки галемля шурились, ослышавшись из-под ног. Отним завыли ушедшие они поднимались до тех пор, пока не вышли на вершину перевала.

— Там они присели на камень, и дровяшка обстоятельно расклевала Чаянову весь маршрут. Он встал.

— Пора! Прощайте, Навизка! — он протянул руку. — Вы сделали очень много. Непременно расскажите об этом папе, когда его увидите...

Дво маленьких руки трепетно сжали его руку.

— А вы! Вы вернётесь? Вы привезёте мне книгу об Одиссее? Вы обязательно должны приехать. Я очень буду ждать.

— Я вернусь, — сказала Чаянов.

— Помните, что вы обещали...

Тёмные глаза, поднятые на лейтенанта, наделись слезами. И он увидел в них такую веру, преданность, нежность и ещё что-то неизъясимое, но понятное, рождённое в ночь необъятной встречи в этой полудетской, полудовыжной дупе, что у него самого пережвато дыхание и зашихло глаза. Он пригнул дровяшку к себе и бережно поцеловал её.

— Я вернусь, Навизка... Клянусь, что вернусь.

Он отпустил дровяшку, повернулся и быстро пошёл по ступке. Через несколько шагов обернулся. Она стояла на том же месте, перебила руки к груди, как будто удерживая рауцесса за глим сердце.

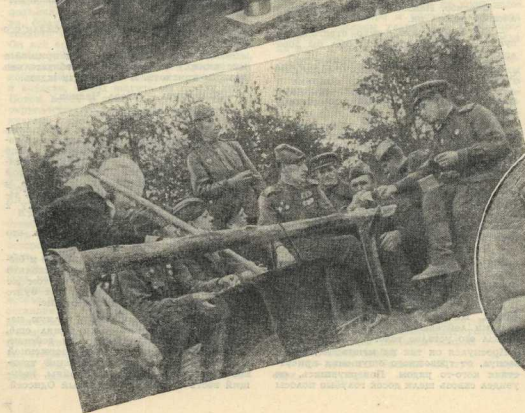
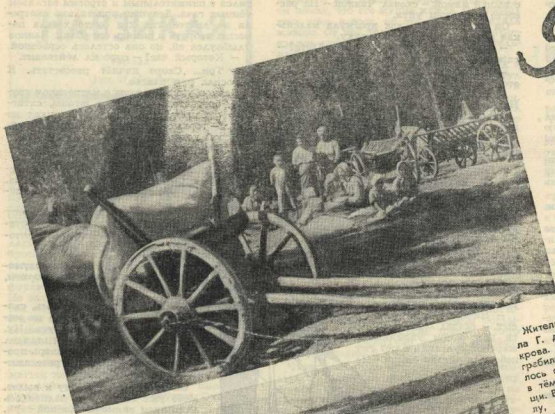
И углубившись в её попу, полагая надежды и доверяя, он пошёл, он пошёл, только в первый мирный день он действительно придёт сюда, к самоотверженной маленькой Навизке, окончивший трудное странствие по дорогам войны, несущий весть о победе, составлявший Одиссея.

Дровяшка стала колодец на край водоёма.

Рассказ Перо

Фотоочерк Т. Буниловича

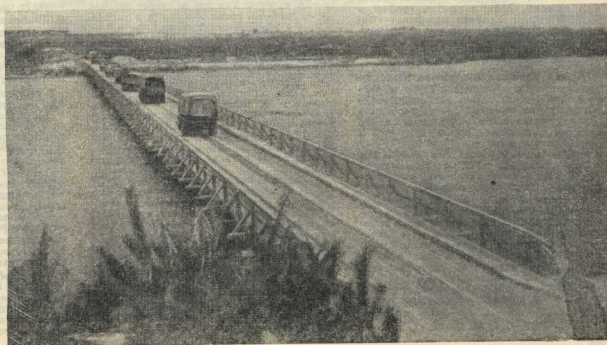
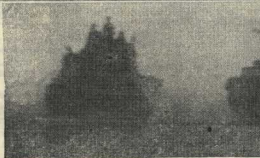
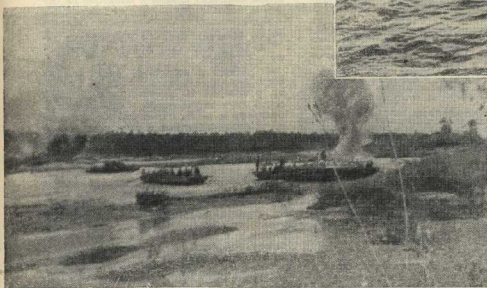
Жители крупного белорусского села Г. давно остались без жилья и крова. Немцы сожгли их село, разгромили уникотонни. Немцами удалось спастись бегством, и они ушли в тёмные и густые белорусские леса. В лесном лагере, в немецком тылу, обсоновались советские люди, скрывающиеся партизанскими отрядами.

Но прошло время — и фронт вновь приблизился к этим местам. Но приближение войск послужило отступлением, таяла радость и надежда. И вскоре выжались последние жители лесного лагеря. Недалеко от леса, где долго гремела пушка, заступили теперь топоры, изгнана эхом разнёсся по лесу. Лесная разведка принесла весть: «Это наши! Это Красная Армия!»

Поблизости на реке красноярской строили порогараву. Жители лесного лагеря вновь оказались на советской земле. Обрадованные и счастливые, они вышли из леса на простор реки. Мужчины ловили рыбу, женщины собирали заварки и мед. Строили и здесь же, на берегу, деревянные костры, стали строить для солдат узу. Со строящегося ступа доносились слова команды, стук молотков. Как радостно было слышать это людям, так долго знавшим только огонь и разрушения!

Газ о праве

Бывалый сапёр, отличный понтонер и снайпер, награждённый орденом Красного знамени и двумя медалями, Иван Васильевич Собянин (на снимке внизу—справа) по просьбе новых друзей рассказывал, как бойцы фермировали водный рубеж, тот самый, через который теперь сапёры перебрасывают деревянный мост.

— Первые бойцы сошли в реку ночью,— начал свой рассказ Иван Собянин.— Группа автоматчиков пустилась влеса в полуводолазных костюмах с недурными резиновыми поясами, остальные плыли в резиновых лодках и на плотиках. Автоматчики вышли на другой берег в ожидании удара. На вражеском берегу завязался ожесточённый бой.

Подразделение под командованием майора Резниченко отозвало пла渡ари. Утром мы уже переправлялись на понтонах и понтоновых плотках. Нам удалось перебросить через реку артиллерию и танки. Ночью ожесточённо сопротивлялись, они пытались сбить переправу артиллерийским огнём, но было уже поздно. Сопротивление мы сломали. Наши танки ринулись в прорыв, а за ними пехота...

Пока рассказывал Иван Васильевич, в вадрах послышался ух. Бойцы с епитимой поили и поблагодарили жителей лесного лагеря. Пришло распоряжение трогаться в путь. Сапёры закончили наведение моста. По только что построенному мосту потонулись на запад автомашины с боеприпасами и продовольствием.

Жители лесного лагеря проводили бойцов, пожелав им счастливых боёв, и, вернувшись в свой лес, стали собираться в путь — в сапогах сошедшему салу, восстанавливать жизнь.

Л. С. Николаев Возвращение — повесть —

(Продолжение *)

Рис. Г. Валька

Краткое содержание предыдущих глав

Московский профессор Андрей Андреевич Хабичев получает весть о гибели сына Евгения на фронте. В Бумагах сына профессор находит письмо, адресованное С. Савиной, и передает его во взыскание.

Сын Савиной уезжает из Москвы в Варшавский город в глубокое советское тылу, — где он работает в читальне Дворца культуры. Он получает приглашение взыскательной комиссией генерала Голоцина, приглашеный в Москву для реконструкции А. А. Хабичева Голоцина — свидетеля, но несомненно атомосмысленный собеседник. Он предлагает Савиной перебраться к нему на дачу только под видом свидания. Сона отвечает ему отрицательно.

Николай Голоцин начинает работать на военном оборонном заводе «Первое Мая». В поле этого завода производится помех, огороженный разминированной землей, артиллерийскими снарядами, изобретенные инженер-изобретатель Риченко. Голоцин осматривает их сзади, куда он получает разовый пропуск.

В Варшавские Савина встречает товарища Жюльена Забавского — поляка. Он испуганно по

каздан завода «Первое Мая. Спутна рассказало дей Шорна, зайдя в читальню к Соне, встречает там инженера Голоцина — он уже был знаком с ним.

Тем временем по ту сторону фронта канцелярия аэзиновского генералов города Пасека Шпанек называет бывшего агронома Ерофеева, человека, жившего в провинциальном административное время в неспокойном административном лагере бургомистром. Население города называет Ерофеева. Это несправедливо, а предельно усложняется высокими красными званиями генерала в селе Тучков, участником которых был бургомистр.

Шпанек и турнеферер «С» фон Мангейм устраивают испытание работавшему у них русскому инженеру, строителю доктору Сергею Иноземцеву. Они показывают, что Иноземцев знает немецкий язык, но срывает это, узнавая таким образом важные тайны немцев. Проверка оказывается, что русский инженер не понимает немецкого, и доверие к нему фон Мангейма еще более увеличивается.

как бы думая вслух, Ерофеев. — Вы не из дворян?

— Нет, но из дворян. Должно быть, потому немцы со мной не церемонятся.

— Они и со мной не церемонятся.

Ерофеев подлиб к губам стакан, но отрывавшись вышла его до дна и пошла на хвосте вокруг. Потом пошла голову на согнутый оскот и долго смотрела на Иноземцева.

— Вот вы, Иноземцев, глядите на меня и думайте: на нем кровь тучковских козачков.

— Думая.

— Меня все ненавидят — страдали в меня. Бчера против моих оков на заборе, написали «Слово слабых». Под носом у охранника написали. Скажите: вы в лагере, в Руднице, сидите?

— Нет, не сидю.

— А и сидю. Тем нас шестеро человек было, остались сотни две, когда я вышел. Как это вам повеселилось?

— Я с первых дней пришел к немцам.

— Говорят, это вы Разгенова выдали?

— Скорее Разгенова? Партизаны? Я с роду его не видел.

— А почему же вы у немцев в чести?

— Умью работать. Я лордичин. Потом характер у меня добрый, много спеть, сплясать и выпить могут три случая... А верное всего — я им нужен.

— Я только троих знаю, кто ко двору немцам пришел. Вы да я и еще третий...

Только он не русский, а немец обрусевший.

— Что-то я не знаю такого.

— И не можете знать, раз в Руднице не сидите. Круэце — его фамилия. Густав Мансманнович. В политкомиссию учился, в Риге. Он об этом немцам говорил, они сначала не верили. Круэце.

— Понятия о таком не имею. А вы его хорошо знаете?

— Да неведомо в лагере одной равнинной укрывалось. Он был малярный. Потом вдруг приехал за нами сам Шпанек. Прямо к нему, поговорила немного и увела. На своей машине увела. Я думаю, этот Круэце давно в России.

— Почему вы так думаете?
— Да не думаю, уверен. Я немного немецкий язык. Разговор шёл при мне, я слышал... ну, не всё слышал, а кое-что. Выплатю, а то мне неудобно. Всё-таки вы гость.

Иноземцев рассмеялся:
— Ну, какой я гость!

— Не пейте, если не хотите. Мне всё равно. Посушайте... — он приподнял и взглянул в глаза Иноземцеву. — Посушайте... Это все Шпанек ко мне послал, да?

Иноземцев помолчал и сказал с деловой небрежностью:
— Конечно. И это пашкой принал.

— Ну и что же? Пьяному мне всё равно. Начего не страшно, — он наклонился и взглянул на Иноземцева. — А вы вот не пейте... Не пейтемазав...

Глава XV

ГИЛЫБЫЕ МЕСТА

Фон Мангейм писал в Шварцвальд дяде от То, вальдскому майората и генералу в отставке:

«В четверг я собирался охотиться на осы. Это занятие мне похоже на ту охоту, о которой вы рассказывали, охота в смысле двух императоров и кронпринца в Буковине. Я хотел пойти в охотничьем замке. Я буду охотиться в дубрах северного Рудницкого леса. В болоте, где нога уязвет по колено, в трущобах, где сам можете стать дичью для партизана. Мы строим здесь дорогу протяжением в 120 километров. Строим, конечно, не мы, а deutsche жители и люди, взятые из лагерей. Здесь есть один молодой русский, он старается подражать мне во всем. Это очень весело мне. Именно он строит дорогу, и с тех пор мы с ним выжили за эту работу, дело сильно подвинулось вперед. Если вы увидите богатейшую Катюльну, скажите ей, что воспоминания о нашей последней встрече в Мангейме являются мной под этим суровым небом. Пусть она не беспокоится обо мне пока: мы живём здесь, как в лесном отае...»

Долгое письмо фон Мангейм приказал должнику отправить его. Затем он решил лечь спать, так как в семь часов утра к нему должен был заехать Иноземцев. Но прежде он позвонил командиру и сказал ему, что уезжает на три дня на охоту.

— Вы едете, надеюсь, не один? — спросил Шпанек.

— Со мной мои отличные верные друзья Готвальд и Вилли. Затем и беру с собой Иноземцева. Этому только и остается, что лодку провать свою жизнь, едем на нас напарно партизаны.

Шпанек промолчал что-то невнятное...

— Но вы же сами мне говорили, что с тех пор как вы были люди убийц Разгенова, леса стали безопасны.

Шпанек пожелал турнефереру хорошей охоты.

В то время когда происходила эта разговор, Иноземцев сидел в кабинете Шпанека и рассматривал фотографии, фотографические снимки. Они показывали Иноземцеву неинтересные, кроме одного, изображающего изурованный, ещё дымящийся блиндлер:

— Вы узнаете это место? — спросил Иноземцев.

Иноземцев отрицательно покачал головой.

— Вам следовало бы его знать. Здесь был убит Разгенов.

— Ах, вот что? — удивился Иноземцев. — А мне говорили, что он случайно застрелен маляром.

— Атомосмысленными людьми это может показаться случайностью, но на самом деле всё было предельно ясно. Разгенов был партизан, мы преследовали его четыре километра, он и его альфабиты были загнаны в это логово, и там их убили.

Глава XIV

ПЛОХОЙ ПРИЗНАК

Город Пасека увидел жителям ужасным, в дальние леса он называл его имя. Ерофеев, дома рассказывал на дрова немцами — они ахнули ехать в лес, за реку, Механический завод был разрушен ещё в начале войны, лесовозов не работало. Население города уменьшилось вчетверо. Люди походили за косяк вглад, за брачное слово, сказанное немцу. На базаре, где шумели и бархатили один и те же немские спекулянты, можно было увидеть не более сотни людей.

Бургомистр города Ерофеев не любил сумерек. В сумерки приходили мрачные мысли: он боялся, что встать в окно может потемнеть. Как только начинало темнеть, Ерофеев приказывал запереть ставни. Глухая старуха ставила перед ним тарелку соевых грибов, графин и чайный стакан. Ерофеев раскрывал «Ину», пересматривал её, а с собой рад проглядывала один и те же жарнички, незаметно осуждая графин — это была его обычная вечерняя порция.

В один из таких вечеров во дворе зашли два человека, посылались говор и чей-то громкий голос назвал его имя. Ерофееву стало не по себе, но он пересилил страх и вышел в кухню. На пороге стоял высокий молодой человек в плащу и охотничьих сапогах.

— Иноземцев, — назвал он себя. — Мы с вами до сих пор не были знакомы.

— Прощу! — с облегчением вздохнул Ерофеев. — Рад познакомиться.

Он поосторожно и для гостя дорогу. Иноземцев с некоторым удивлением посмотрел вокруг. Его поразил грязь и запущенность этой мрачной комнаты с закопченными керосиновой лампой потолка.

Тем временем Ерофеев достал финансовую кружку, поставил её перед Иноземцевым и наполнил самогонном.

— Для первого знакомства следует выпить... А вы какой молодой! — продолжал,

* М. МЛД 7-8, 9, 10, 11-12, 13.

— Говорят, вы обещали за его голову сто тысяч!

— Это факт.

— Кто же получил эти деньги?

— Половину заплатили одной вашей женщиной... Да, Мейсейм сказала, что вы сидите с ним на охоту.

— Еду. Хотя это отравляет меня от дела. Без меня работа идет хуже, чем при мне. Шпанек поезда пачканы.

— Я найду повод, чтобы вас вызвать.

— Как всегда, он вдруг резко изменил тему разговора:

— Что вы думаете о Ерофееве?

— Это коварный человек.

— Я тоже так думаю.

И Шпанек встал. Это означало, что разговор окончен.

В семь часов утра Иноземцев подошла к дому, где жил Мангейм. У лавасидного стола оставивший жемчужным баском «Опель-адмирал»-машину, убояв тем, что на парковке и заднем сиденье могли утонуть по три сидака. Шюфер и два солдата составляли охрану группенфюрера. Фон Мангейм повелся Иноземцеву рядом с собой и от скучи дорогой распространяла его, тем временем и Россия и отените медведи. Узнал, что медведи главным образом волеются в глубине страны, на северо-востоке, группенфюрер сказал:

— К зиме мы будем там.

Они давно уже оставили позади Палку и митовую кавабинку сельского поля. Невысокие бербозные кресла правильными четырехугольниками стояли на поляне, в центре этих креслов в два ряда стояли кресла помпезные, а также офицеры сельского полка, — среди этих офицерских креслов — самый высокий обозначал могуча полковника.

Вообще немцы любия русскую беризу. Первая забота, sobald в бачицажей, чтобы проволочный заграждения, заборы — всё было сколочено из белых стальных беризы. Но хвойный лес, куда ехали охотники, чередом сучковат, изгибавшейся вдоль берега реки стеной.

«Опель» проехал недостроенный мост. Под мостом по колесам в воду работали люди. Зане начинались плавания Иноземцева. Вдоль реки тлнулае понаые воды транши, за траншами шла маляка поросль. Затем старый хвойный лес принял их под свои мрачные своды. Справа и слева устоа бастава болатная вода, сумасшедше широкот асаево, дорога — гать же паровозы плавожовых, грубо обгабённых стволос.

«Опель» двигался тоаыками, как бы ныряя, стволы молодых деревьев гудели под тяжестью машины. Востефалль-телеохранителка беспаросто поглядывала по сторонам. Ни одна машина не поналась навстречу охотникам: это была стратегическая дорога, которую перебравали для будущего наступления. Фон Мангейм бранился при сильных тоаыках, Иноземцев зевал и болтал о пуляках, чтобы не задремать.

Тем они двигались по этой дороге, которая, в сущности, представляла собой бесконечный мост через болота. Часа через два им поналась сравнительно сухая асаево-стая поляна. Здесь были построены четыре шалаша, и отсюда на восток шла малозаметная тропа. Немцы повеселели, когда узнали, что в четырёх-пяти километрах находится лагерь строительных рабочих, а также — польнейский отряд, наблюдающий за порядком в лагере.

Дождь уже давно шумела в ветвах, поноска солгалуна на ящике с вином и закусками.

— Будет непогода, если мы устроим здесь привал.

Группенфюрер приказал востефалльмам приготовить завтрак. Фон Мангейм и Иноземцев вышли из машины и отправились в шалаш. Здесь они выпили стоа и склямки, сколоченные из грубых ложек.

Востефалльм накрутил на стоа, достав из ящика всё, что можно было найти в складе фон Мангейма, даже консервированные айнаасы, и главное ром — классический напиток охотников.

— Я на воку пить после восторожного мне пришлось выпить два стакана самогона у Ерофеева, — пожаловался Иноземцев.

Но фон Мангейм приказал ему пить, и Иноземцев дважды осушил серебряный стаканчик. Как только фон Мангейм перела ему третью, охотник издала грохот мотоцикла, и через несколько минут востефалльм доложил, что прибыла эфрейтор с занской от фельдкоменданта.

— Какая гадость! — со злобостью сказал фон Мангейм. — Он всегда умлет испортить мне удовольствие, — фон Мангейм смаз запястья и бросил на землю. — Шпанек требует, чтобы вы отправились в наш лагерь, а потом приехали в Палку. Генер-

ла. Загрещал мотор, и эфрейтор с Иноземцевым исчезли из глаз. Фон Мангейм лениво посмотрел в их сторону и приказал востефалльмам раскешить в шалаше спаленный мешок. Была тёплая октябрьский день, лес шумел меланхолическим, убавляющим шумом. Фон Мангейма клонило ко сну, и он приказал солдату сташить с себя сапоги. Затем он задел с спаленный мешок и минут через пять вышел мёртвым сном.

Глава XVI

СТРАННОЕ ЛЮБОВИСТВО

Циталимы и библиотеки Дворца культуры помещались рядом с главным зданием Дворца, в барском особняке, принадлежавшем в старые времена уральскому аристократу-промышленнику. За оц вылазочных помещений извращенный пейзаж и летним потоком становился особенно уютным, когда в читальне закигались за столовыми лампами. Здесь любия работать, окружив себя строгими и техническими журналами, инженер Головин. Соня знала, что в свободные часы он работает над докладом, который собирается прочесть в Доме учёных.

Однажды вечером, перед закрытием читальни, Соня увидела в двери Шюриня.

— Вот видите, не забываю я васу читальню.

— Действительно, два или три раза Шюрин появлялся здесь.

— Пишет вам Андрей Андреевич? — поинтересовалась Соня.

— Пишет. Немного грустно, но хорошие письма. Не знаю, чем я заслужила такое доброе отношение к себе.

Понизив голос, Шюрин спросил Соню:

— Скажите в последние дни — четыре дня никто не брал у вас двадцать второй том словаря Брокгауза и Эфрона?

Соня с удивлением посмотрела на Шюриня:

— Право, мне трудно вспомнить...

А можно вас простить об одной усауте? записывайте как и запоминать, во всех, что пользуется энциклопедическим словарем Брокгауза и Эфрона, и главное тех, кто попросит у вас именно двадцать второй том.

— И это — всё?

— Да. Всё. Вы, кажется, собираетесь уходить?

Они вышли вместе.

Я не могу забыть наш разговор в тот вечер, после концерта. И вот представляю: теперь, когда я возвращаюсь домой и вижу эти тысячи страниц за жёлто-розовым полотном, я вспоминаю вашу саюва о том, что где-нибудь, за окном...

— Шюрин смотрел на неё улыбаясь:

— Я не думаю, что вы так впечатлительны. Так вы не забудете мой прощаль?

— Конечно, не забуду. До свиданья.

Подошла травная. Соня смотрела злудиную с площадки на бесконечный серый забор заводского двора. И вдруг ей показало, что дронгуна земля, странный отсвет блеснуа в небе, в конце концов им убаём хотя бы одного доса, вещь уба же полковник Мильбах! И вообще бергистея Шпанека. Если бы не я, вас бы давно не было на свете...

Иноземцев сел на заднее сиденье мотоцикла, неожиданно потребовав сведения о том, как идут работы.

Старый хвойный лес принял их под свои мрачные своды.

Иноземцев искренно отгорчался.

— Если бы я знал, что так случится, я бы не поехал на охоту, — продолжал раскисший от рома фон Мангейм.

— Вы можете верить, господа группенфюрер.

— Боритесь! Весь гарнизон знает, что я уехал на охоту. Они скажут, что я просто струсил. Нет! Мы будем охотиться без вас! У меня прекрасная карта, мне заведано, в конце концов им убаём хотя бы одного доса, вещь уба же полковник Мильбах! И вообще бергистея Шпанека. Если бы не я, вас бы давно не было на свете...

Иноземцев сел на заднее сиденье мотоцикла, неожиданно потребовав сведения о том, как идут работы.

Глава XVII
ЦЕНА ЖИЗНИ

От лесного шума Иноземцев проехал в лагерь строительных рабочих. Мотоциклет-немцев проскочила в ворота, митовая колдушка изловчилась, которой бы обнесла лагерь, и протормозила машину.

Вл. Алатырцев

ЧЕРЕМУХА

Дом немецким снарядам
Разворочен, разбит,
А черемуха рядом
Невредима стоит.

Всё село опустело,
Всюду несёт и прах,
Лишь черемуха в белых
Ароматных цветах.

Мы устали на марше...
Но над мёртвым селом
Нам черемуха машет
Белоснежным крылом.

Чем-то близким, знакомым
Сердце тронуло вдруг.
И улыбки на лицах
Засветились вокруг.

Сразу в памяти оживает:
Тот покинутый дом,
Где черемуха тоже
Расцвела под окном,

Лепестки осыпает,
Слово шепчет на крыльцо,
В белой дымке мелькает
Дорогое лицо...

И на сердце вдруг стало
И легко и тепло,
И как ветром усталость
С наших плеч унесло.

И опять бодрим маршем
Мы проходим селом,
Всад черемуха машет
Белоснежным крылом.

Действующая армия.

В. Рымашевский

ДЕРЕВУШКА У ХОПРА

*Бестрашному лётчику Герою Советского Союза
за Владимиру Афанасьеву.*

Будто в сказке куклет кукушка,
Бродит ветер в сухом кизяке,
И стоит у Хопра деревушка,
Отражаясь в широкой реке.

Посторожному взгляду не слишком
Виден этот глухой уголок,
Здесь и рос черноглазый мальчишка,
Озорная, смуглолицая, босового.

Был он первым в ребячьих затеях
И не раз у крыла ветряка
Запускал самодельного змея
Высоко-высоко в облака.

Годы шли. Вот он старше и строже,
Сам изведал ордниный простор,

Но в глазах его светится тот же
Неуёмный мальчишеский задор.

Только брови упрямею сдвинув,
Он идёт к своему ястребуеу,
Он спокойно садится в кабину
И взлетает навстречу ярагу.

Чтоб атакой строительной своєю
«Шперкер» воюющей в землю воткнуть,
С ним повсюду крылатое слово:
«Настоящая Ярага,— победит!»

Будто в сказке куклет кукушка,
Клонит ветвямavian над рекой,
И стоит у Хопра деревушка,
Где родился и вырос герой.

Действующая армия.

В сыром тумане, смешанном с дымом костров, двигались призрачно тени множества людей, смалмашиса стук топоров и шпнтеле механической пилы. Наклонив голову, Иноземцев вошёл в землянку, вырытую у самой проволочки. Переступив порог, он принирился.

На опрокинутом ищике, оперев большие руки на колени, сидел бородастый старик со орешником, косматыми бровями. Перед ним, согнувшись, заоскип руки за спину, стоял незнакомый Иноземцеву человек. Иноземцев взгляделся на этого человека, скрученного за спиной толстой верёвкой. Кухонный нож валялся на земле, и лезвие его тускло отсвечивало от колеблющегося огня копилки.

— Что тут у вас вышло, Борода? — спросил Иноземцев.

Старик поднялся с ищика:
— С ножом на меня полез! Одноглазый черт!

Иноземцев не без удивления взглянул на связанного человека. Единственный глаз его горел злобой и ненавистью.

— Ты что, ошалео? Ну, убил бы ты его — тогда тут все и закончили бы!

— А мне всё едино. Хоть сейчас вешай!

— А что так?

— Детей моих нету на свете, хаты моей нету, хозяйства нету... Хоть одного гада убью — и можно помырять!

— Дёшево себя ценишь, одноглазый черт — набавля махоркой трубку, замата Борода.

— Такая мне, значит, цена.
Он потянулся, пошевела плечами, верёвка врезалась в кисти рук.

— Развязывай его, — приказал Иноземцев.

Борода посмотрела на Иноземцева, молча подошла к одноглазому и стала развязывать узлы верёвки.

— Слушай, — нетерпимо и отчётливо заговорила Иноземцев, обратившись к одноглазому, — это он правду говорит так дёшево жизнь свою отдавать, — гадуно. И кроме того зря ты с ножом полез: он здоровый, как медведь, и мог тебя одной рукой задавить.

Одноглазый стоял в недоумении, поглядывая то на Иноземцева, то на того, кого называли Борода.

— Ну, ладно.

Борода толкнула ногой дверь и пропустила вперёд одноглазого.

Они довольно долго шли по изрытой, загаженной земле, вдоль проволочки, пока не вышли к воротам лагеря. Часовой сторожил — и одноглазый отступил за проволочку. Борода потрогала шёл с проволочки. Одноглазый всё время оглядывался, ожидая выстрела в спину.

Вдруг Борода остановился и опять сказал:

— Ну, ладно.

— Куда?

— Куда хочешь... Чтобы луку твоего здесь не было! Ты у нас новый человек, наших дел не знаешь — ещё боду сделаешь.

— Слушай, дядя, — сказал одноглазый, — ведь ты знаешь, куда я пойду.

— Твоей делу, — хитро ответил Борода — Но чтобы я тебя больше не видел.

Возвращаясь в лагерь, Борода в воротах увидела грузовик. В кабине, рядом с шофером, сидел Иноземцев.

Он открыл дворцы и тихо сказал Бороде:

— Мост на сорок содлом километре закончим — будет порядок. А ле кончим к воскресенье — башки пошьются, и тебе первому — и ещё тебе довяно: — Немцы горькую порют! Тебе понятно?

Только в одиннадцатом часу Иноземцев добрался в Палец. Из дорожного управления он позвонил Шпаньку и доложил, что фон Мангейм остался на 54-м километре, в лесу, и следовало бы послать туда на всякий случай натурль егерей.

— Хорошо, — ответил Шпаньк. — Приходите сейчас на мою квартиру.

(Продолжение следует.)

Позабойная Наташа

Рис. Д. Дубинского

Лейтенант Владимир Волков приехал на три дня домой в Москву. Ему хотелось поздравить всех, всех, а ещё хотелось себя вот такого, как показав себя вот такого, как есть — бронтового, обветренного ветрами дорог, ведущих на запад, и, главное дело, усталого! Телефонные звонки, веточки, обнимашки же вы, крокодилы несчастные! Ну и что ж такое, что у одного уся, а у другой изымается! «Окошки! Выесте весь за партой сидела!»

И «несчастные крокодилы» обнимались, потная osoba превращалась на газавк в ласкающую Шушку и начинались воспоминания:

— Трёххаришную шпартяку поминишь?

— Ещё как! — поминишь, в третьем классе у Миши Велугуина шеню неделя в парте жила?

— Разумеется, помни! А где теперь Мишка?

На Карьяском Орденосце.

Наташа выжидала всех, кого могла: Сестлагу из консервного завода, Зину — лаборантку завода, а даже на один, пропавший вечер из подмосковного совхоза — агронома Бориса.

Этот пропавший вечер был сбором всех друзей.

— Не поверите, кого я ещё выжидала! Людмила! Мы с ней чуть редко виделись, а последнее время она совсем была исчезла. Но ради такого случая я и её размакала! Ну, я вам скажу — чистый сфинкс! Правда, я со сфинксами запросто не толковала, но думаю, что не сложеннее чем с Милокой!

— Такая загадочная натура? — Вот именно. Я ей рассказываю про девчат, кто где, про завод, где работает, а она смотрит куда-то выше головы. И вообще я вижу, что она вышло...

— Вышло кого?

— Я ещё не знаю, может быть, вышло не девчат, но во великом случае у неё как-то свои, загадочные миры. Только в школе, лишь с пацанами, если разговаривает.

Их собралась пятнадцать человек, когда пришла стеснительная — Людмила. Она стала хорошилась.

— Так это я с удовольствием пригласил разглагольствовать! — объяснила Володя.

И потому, что все понимали, а Людмила не понимала, всем стало очень весело, как бывало в школе.

— Как говорят французы: «Рири бен ки рири ле дорнье», — просядиринговала Людмила.

— Смеётся хорошо то, кто смеётся последний! Перевод абсолютно бесплатный, на благо собранинских, — сказала Володя.

И он проинице по-французски такую, по выражению Шуры, «заковыристую» фразу, что любой француз встал бы из кожи.

— Нет, из втулки не поставишь, по крайней мере тех, которых я знаю. Афиция — чудесный народ! — и Володя снова обратился к Людмиле по-французски.

— Ох, нет, изволь, пожауйста! — замаякала Людмила красивыми руками. — Я только и помню: «Рири бен... Волюжур, коман са ва...» Ну и ещё там какие-то пустяки. Выдашь ли было поступила в Институт иностранных языков. Переводчица — это интересно! Но я там совершенно стала аномальная, и знаешь, из-за чего? Из-за спряжений. Пассе дефини, паасевофаге, ужасно!

— А вот французские лезички русский язык учат и не жалуются.

— Ну, их бы я поучила с удовольствием.

— Милая, да что ты смеялась в прешолованьях!

— Кто это? Индивидуальное восприятие, фонетика, транскрипция, всё! В сорок первом году я же поступила в педагогический.

— Наташа! — закричала лейтенант сестре. — Ставь мне лишь с пацаном, да кстаи налей вина, выпить, за новосельного педагога! Разгадала!

— Кто это педагог? Я? Володечка, я такой же педагог, как ты жёлтый Мерси! Понимашки, мне как-то ушко и тесно в педагогическом. Это значит — всю жизнь в классе. А мне нужны просторы.

Сфинксу тоже тесно было бы в педагогическом, — сказала Наташа, — поэтому он торчит в пустыне.

Людмила поговорила про сфинкса, но возмущалась пустынщицей.

— Интересно, кто бы я стала делать в пустыне! Кто бы меня

там увидел? Нет, я понимаю — острада, софиты, прожектора и зал, полный внимательных глаз!

— Ну, гора с лав! Кажется, договорились: актриса?

— Не воображалась ли ты, что это так легко?

— Нет, я, наоборот, думаю, что это очень трудно.

— Да для чего? Для меня? Благодарю. Значит, ты меня считаешь бездарностью? Мне это не нравилось много, как только прочла объяснение о наборе в театральное училище, в тот же вечер выжидала огромный кусок из «Альфы Карениной». И читала его перед зеркалом и наглава навзрыд настоящим слезами. Но это по отсидки.

— Нет, я, наоборот, думаю, что это очень трудно.

— Да для чего? Для меня? Благодарю. Значит, ты меня считаешь бездарностью? Мне это не нравилось много, как только прочла объяснение о наборе в театральное училище, в тот же вечер выжидала огромный кусок из «Альфы Карениной». И читала его перед зеркалом и наглава навзрыд настоящим слезами. Но это по отсидки.

— Нет, я, наоборот, думаю, что это очень трудно.

— Да для чего? Для меня? Благодарю. Значит, ты меня считаешь бездарностью? Мне это не нравилось много, как только прочла объяснение о наборе в театральное училище, в тот же вечер выжидала огромный кусок из «Альфы Карениной». И читала его перед зеркалом и наглава навзрыд настоящим слезами. Но это по отсидки.

— Нет, я, наоборот, думаю, что это очень трудно.

— Да для чего? Для меня? Благодарю. Значит, ты меня считаешь бездарностью? Мне это не нравилось много, как только прочла объяснение о наборе в театральное училище, в тот же вечер выжидала огромный кусок из «Альфы Карениной». И читала его перед зеркалом и наглава навзрыд настоящим слезами. Но это по отсидки.

— Нет, я, наоборот, думаю, что это очень трудно.

— Да для чего? Для меня? Благодарю. Значит, ты меня считаешь бездарностью? Мне это не нравилось много, как только прочла объяснение о наборе в театральное училище, в тот же вечер выжидала огромный кусок из «Альфы Карениной». И читала его перед зеркалом и наглава навзрыд настоящим слезами. Но это по отсидки.

— Нет, я, наоборот, думаю, что это очень трудно.

— Да для чего? Для меня? Благодарю. Значит, ты меня считаешь бездарностью? Мне это не нравилось много, как только прочла объяснение о наборе в театральное училище, в тот же вечер выжидала огромный кусок из «Альфы Карениной». И читала его перед зеркалом и наглава навзрыд настоящим слезами. Но это по отсидки.

— Нет, я, наоборот, думаю, что это очень трудно.

— Да для чего? Для меня? Благодарю. Значит, ты меня считаешь бездарностью? Мне это не нравилось много, как только прочла объяснение о наборе в театральное училище, в тот же вечер выжидала огромный кусок из «Альфы Карениной». И читала его перед зеркалом и наглава навзрыд настоящим слезами. Но это по отсидки.

— Нет, я, наоборот, думаю, что это очень трудно.

— Да для чего? Для меня? Благодарю. Значит, ты меня считаешь бездарностью? Мне это не нравилось много, как только прочла объяснение о наборе в театральное училище, в тот же вечер выжидала огромный кусок из «Альфы Карениной». И читала его перед зеркалом и наглава навзрыд настоящим слезами. Но это по отсидки.

— Нет, я, наоборот, думаю, что это очень трудно.

— Да для чего? Для меня? Благодарю. Значит, ты меня считаешь бездарностью? Мне это не нравилось много, как только прочла объяснение о наборе в театральное училище, в тот же вечер выжидала огромный кусок из «Альфы Карениной». И читала его перед зеркалом и наглава навзрыд настоящим слезами. Но это по отсидки.

— Нет, я, наоборот, думаю, что это очень трудно.

— Да для чего? Для меня? Благодарю. Значит, ты меня считаешь бездарностью? Мне это не нравилось много, как только прочла объяснение о наборе в театральное училище, в тот же вечер выжидала огромный кусок из «Альфы Карениной». И читала его перед зеркалом и наглава навзрыд настоящим слезами. Но это по отсидки.

— Нет, я, наоборот, думаю, что это очень трудно.

— Да для чего? Для меня? Благодарю. Значит, ты меня считаешь бездарностью? Мне это не нравилось много, как только прочла объяснение о наборе в театральное училище, в тот же вечер выжидала огромный кусок из «Альфы Карениной». И читала его перед зеркалом и наглава навзрыд настоящим слезами. Но это по отсидки.

— Нет, я, наоборот, думаю, что это очень трудно.

запасать никакими другим багажом?

— Людмила посетовала на его orden.

— Вот это багаж потажный, от такого я бы не отказалась! Как ты посоветуешь: может быть, действительно — на фронт?

— А как же просторы? — спросил лейтенант. Он вспоминал многое: стужу, проведённые в олаждленном танке... Мысленно усмеялась: «Определённо было посетовала». И замаякала битком набитую промокшую усталыми альдами... И ту железную, великодушную дисциплину, при которой никакие просторы не обрываются вот такому сфинксу и которая сделала из него, обыкновенного юноши Володю Волкова, настоящего офицера. — Как же просторы тебе показались бы тесновато?

— Ну, это ничего, это можно как-нибудь отыскать, — сказала Людмила. — Зато — потом Просторы себя и вернувшись бы с орденкой! Уж, во всяком случае, платя стала бы закрываться в лучшем ателье. Мешало о мекко-мекко классовой ивочки! Ну, и потом, как знала! Даже, может быть, имела бы мекко-мекко вышину...

— Володя! Володя! посмотрел на Людмилу, будто вышло её в первый раз, будто он учился с ней десять лет в одном классе.

— Выи что... Но ведь, Людмила, даже самая мощная кобел...

— Володя! Володя! посмотрел на Людмилу, будто вышло её в первый раз, будто он учился с ней десять лет в одном классе.

— Выи что... Но ведь, Людмила, даже самая мощная кобел...

— Володя! Володя! посмотрел на Людмилу, будто вышло её в первый раз, будто он учился с ней десять лет в одном классе.

— Выи что... Но ведь, Людмила, даже самая мощная кобел...

— Володя! Володя! посмотрел на Людмилу, будто вышло её в первый раз, будто он учился с ней десять лет в одном классе.

— Выи что... Но ведь, Людмила, даже самая мощная кобел...

— Володя! Володя! посмотрел на Людмилу, будто вышло её в первый раз, будто он учился с ней десять лет в одном классе.

— Выи что... Но ведь, Людмила, даже самая мощная кобел...

— Володя! Володя! посмотрел на Людмилу, будто вышло её в первый раз, будто он учился с ней десять лет в одном классе.

— Выи что... Но ведь, Людмила, даже самая мощная кобел...

— Володя! Володя! посмотрел на Людмилу, будто вышло её в первый раз, будто он учился с ней десять лет в одном классе.

— Выи что... Но ведь, Людмила, даже самая мощная кобел...

— Володя! Володя! посмотрел на Людмилу, будто вышло её в первый раз, будто он учился с ней десять лет в одном классе.

— Выи что... Но ведь, Людмила, даже самая мощная кобел...

— Володя! Володя! посмотрел на Людмилу, будто вышло её в первый раз, будто он учился с ней десять лет в одном классе.

— Выи что... Но ведь, Людмила, даже самая мощная кобел...

— Володя! Володя! посмотрел на Людмилу, будто вышло её в первый раз, будто он учился с ней десять лет в одном классе.

— Выи что... Но ведь, Людмила, даже самая мощная кобел...

— Интересно, кто бы я стала делать в пустыне!

Вл. Орлов

ГОСТЬ С ДОНА

Рис. П. Дудина

Шесть 1813 год. Победоносные войска Кутузова, выгнавшие наполеоновских захватчиков с русской земли, перенесли боевые действия в территорию Германии. Безостановочно преследуя отступающего противника, весной 1813 года русские овладели Гамбургом.

С известием об этой славной победе к нашим британским союзникам, в Лондон, был направлен старый донской казак, уроженец Навской станицы, Александр Земелюхин.

Опытный и заслуженный воин, он побывал во многих боях и походах, сражаясь ещё под знаменем Суворова. В своё время он был уволен со службы с пенсионом, но, как только услышал о вторжении французов в Россию, немедленно явился по начальству к другим сыновьям и настоятельно потребовал, чтобы его зачислили в действующую армию. Земелюхину была выдана всего десятков, за окладистой поброду все в полку являл его делушки, но никому из молодых не уступил он в отваге и казачьей спорок. Ко времени посылки в Лондон на счёт Земелюхина было 39 собственноручно истребленных им врагов.

Полдня русского казачества были отлучено известным в Англии. Самое слово «казак» приоблеу на англйчан громадную попуярность, пошло в обиходную речь. Служба и выработка своих чувств британцы шумно восхищались казачьей удачей. Широко распространялись по всей Англии многотрабочные плакаты. Казачьи песни, как русский казак наилучше на ижку с добрый десятков наполеоновских солдат. Но живого русского казака англичане ещё не выдвгали.

Газеты заранее оповестили население Лондона о прибытии гостя. 8 марта 1813 года многотысячная толпа собралась на пристани. Подошёл гамбургский корабль. Как только Земелюхин в полном казачьем снаряжении сошёл на берег, со всех сторон раздались приветственные крики: «Ура, казак, ура!»

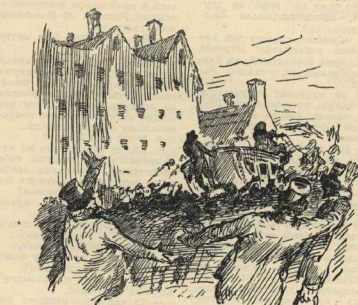
Земелюхина усадили в карету и повезли на принадлежащую ему квартиру. Лондонцы не оставая, бежали за каретой. Густая толпа загрохала ушами перед домом, где он остановился. Стоило выйти Земелюхину, как сотни людей окружали его с криками «ура», «вызвать». Каждый непременно хотел пожать ему руку, похлопать по плечу. Многие выдвгали подарки, совали деньги. Но на счёт Земелюхина был неперекладан.

— Мы, русские, ни в чём не нуждаемся, — говорил он на этом, — и сами можем помочь бедным людям. Служим мы не из корысти и ни за какие богатства никому и не продадим не уступим своей Родины. Есть у нас старый обычай: не обязываться чувствования, а лучше самим помогать им в нужде. А потому прощу вас, господа, честные, понять, что денег мне ваших не надобно. Спасибо вам за ласку, будем-ка лучше жить

в добром согласии и сообща бить общего врага нашего...

На другой день это заявление Земелюхина было опубликовано в газетах, и денег ему больше не передавали. Он величаво отказался и от денежного подарка, который вручали ему от имени наследного принца. Сумма на сей раз была столь крупная, что алгичане, знавшие цену деньгам, были глубоко поражены необыкновенным бескорыстием русского казака.

Тогда король приказал изготовить для Земелюхина пол-

Лондонцы, не отставая, бежали за каретой.

ное казачье снаряжение и вооружение: скакуную стальную ижку, саблю, богато украшенную ружьё, два пистолета, алдунку и перьяв. От этого подарка Земелюхин не отказался. А в обмен и него попросил, чтобы в подарок Земелюхину он прислал в Англию. Всё это было передано в музее, как память о «госте с Дона». Особенное внимание алгичан привлекал дробик Земелюхина — свидетель его боевых подвигов: копец дробика несколько потонула от ударов по кирасам французских конников.

Алгичане старались развлекать Земелюхина. На третий день его повезли в театр. В спектаклах публики, толпнящихся вокруг ложи, где он сидел, кричала «ивнат» в честь русской армии, атамана Платова и самого Земелюхина. Зрительные выдвгали иперерывы звать казачья в гости. Скоро это превратилось для него в довольно тягостную повинность. Впрочем, он изобретательно выдвгивал хосты, которые переводили всюду спорноудовольный его переводчик, и сам в ответ про-

возглашал зарывали в честь Англии и России, доисского княжества, Кутузова и Платова.

На пятый день позвали Земелюхина в парламент. При входе в Вестминстерский дворец возложил на него англйский орден, а в зал заседаний Палаты общин усадил на особом возвышении. Спикер произнёс речь, в которой воздал высокое героизму и самоотверженности русского народа, принявшего на себя всю тяжесть борьбы с Наполеоном.

— Вы видите перед собой донского казака, — говорил спикер, — из числа тех русских

Земелюхину привели десять верховых лошадей — одна другой лучше. Он выбрал великодушному и храброму коблону русской породы, сам сел на неё и в полном казачьем снаряжении выехал в поле, где уже ждал его в струге англйский конный отряд. В момент салюта, через переводчика, он развгнул, в чём заключалось суть тактика боевых действий русского казачества.

— Я не убои наукам, по которым войдут великие генералы и сам Бонапарт, — говорил Земелюхин, — пригрозив: «Если наших нарядов обявгивать врага нещадно, изуровать и тревожить его и день и ночью, и с туман, и снегом, и со всех боков, а также рукостергать себя от внезапного нападения и стараться хитроумно выдвгать снау и намерения истребить врага, всё делё время ударять в атаку, а в быстроте и натиске. Надобно привести врага в сматание, а лучше всего не дать ему осмыслиться».

Отвабу похотили всдгичков. Земелюхин стал убои их прибавим казачьей разведки: как трудно сделать «аввог», как высмеивать неприятеля, как быстрее доставить командиру «повестку». Остальным, пока шал «разведка», влада об «варить» иш и «отказаться». Присказали «развгички» лонне Земелюхину, что «спирячтала» обнурижур поблизости. Тогда казачьим смеювгиванием отряды: «На конь!» — и пошёл его в атаку, размахивая клинком и крича: «За мной, ребята!».

Восхищение зрителей было безграничным.

Кто-то ловил здесь же, в толпе, продавая папеты, где восторы в красках были отмечены портреты Кутузова и атамана Платова, а по краям карикатурно изображены обдуренные и голодные солдаты Наполеона, за котормы с ними интересе во весь опорядок воевать казачья. В Лондоне не была отмечата также и тривированный портрет самого Земелюхина с надписью: «Уже Бонапарт». В тысячах экземпляров портрет этот разошёлся по всей стране.

Алгичане долго не хотели отуставать Земелюхина. Ему предлагали навегста поселиться в Англии, обещали выстроить славный дом и издвгить всё хозяйство.

Но казак был непоколебим.

— Я ни за что не променяю на златые ваши палаты мою хату на Тихом Дону, — отвечал он на все уговоры. — Хочу умереть на родной земле, где деды и отцы свои почили. Прах их для меня дороже всего сокровищ...

Вернувшись к русской армии, Земелюхин подробно рассказал атаману Платову о своём отлучении. Платов тогда же был записан адъютантом Платова.

После войны Земелюхин долго ещё жил в родной станице Пугачёвской, окруженный почётом и уважением одеситинчиков.

Читали ли вы?

«А зовут его Алексей Куликов, и родом он — пензенский, служит бойцом в батальоне старшего лейтенанта Субботина, тут его знают все». Так начинается маленькая повесть «Алексей Куликов, боцман» Бориса Горбатова, вышедшая в его книжке «Рискины в солдатской душе». Повесть раскрывает психологию, душу русского воина, который пролежал большую, сложную путь борьбы за честь и независимость родины.

«Легко драться, — говорит автор, — когда за тобой плечами, как крылья, воинское счастье, военная удача. Тебе самого нест в бой. Но моего сына надо, чтобы драться, когда вокруг тебя воины плечами, как крылья, воинское счастье, военная удача. И ни в одной армии мира не найдешь солдат, умеющих стойко драться в дни больших бедствий. Так только русский солдат». В этих условиях и показывает Борис Горбатов рост моральной силы своего героя, советского бойца, который в дни войны становится «осмысленным, как дорога ему его советская родина. История Алексея Куликова — это история юности и многих тысяч».

Кроме повести в сборник вошли «Письма к товарищу», заметки «Из фронтовой расклевки» — с их примера, боевой дружбы, смелости, дерзости, риска, воинской чести, воинской славы — и шесть рассказов.

Советский Военно-Морской Флот многим обязан научным трудам и полувозрожденному опыту великого русского ученого-кораблестроителя академика Алексея Николаевича Крылова, имя которого широко известно не только в нашей стране, но и далеко за ее пределами.

Богатая жизнь А. Н. Крылова, скромно освещенная на страницах написанной им книги «Из воспоминаний», может служить примером исключительного трудолюбия и целеустремленности. В этой книге, изданной Академией наук СССР, читатель найдет много интересного о великом советском историке русского флота с конца 70-х годов прошлого столетия до наших дней. Последние главы рассказывают о деятельности морского ученого при советской власти, которая открыла перед ним возможности полного приобщения творческих сил, знаний и опыта.

Двадцать два рассказа вошли в сборник Золтана Вейсберга «Непокоренная Европа».

Содержание этих рассказов — действительно эпизоды из борьбы молодых патриотов европейской страны против гитлеровской тирании.

ОРУЖИЕ МОРЯ

В 1862 году, во время войны между Северными и Южными Штатами Америки, шестнадцатилетний Джордж Коулмен дежурил на телеграфе в Нью-Йорк-Манхэттену на берегу Чикагской бухты, где стояли корабли северян. Перед ним расстилалась спокойная вода огромной бухты, и так как все спокойными казались многочисленные военные суда. И вдруг среди них появилось странное сооружение, едва поднимавшееся над поверхностью воды и тянувшее за собой длинный суган черного дыма.

В те времена еще не был установлен стиль телеграфной реи, и телеграммы Коулмена, хранившиеся теперь в музеях, кажутся нам репортажем о фрубионной матце, а не сообщением о ходе несобиковенного морского боя...

«Это похоже на плавающий утюг», — передает Коулмен своему приятелю — кассиршефту в крепости Миссур.

«Оно идет к «Кумбарленду». Сейчас по-умо выйдает».

«Боже, «Кумбарленд» тонет!» — «Оно пошло на правый флаг, и наши снаряды отскакивают от него».

Случайный снаряд, попавший в здание телеграфа, не дал Коулмену догадаться, кем кончился первый бой записанного тяжкой бронею нового морского флота южан — «мотора» — с флотом северян... А «утюг», дамы трубой и окутывался клубами дыма от залпов орудий, бумаж в бухте, как дикий кабан среди кроликов, и привнес северянам огромные потери.

Так началось создание брони и снаряда, дядище до сих пор. Непрерывно Чикагский корабль обстрел все более толстой и крепкой броней и всё менее походил на своего предка — парусное судно, легкое, красивое, напоминавшее широконозких морских птиц...

Но разразилась война с гитлеризмом, охватившая весь мир, о, как признаки прошлого, вывели на океанские просторы корабли с называниями из морских романов приключений. Корабты и фрегаты оказались за подвиными лодами в транспортах немцев. Всевоможные суда, легкие корабли, как стаи голубов, гонимые за суганом противника, лавяютяют им бой и задерживают до прихода основных сил. Они дерутся, появляются неожиданно, так же неожиданно скрываются и причиняют весьма значительный урон противнику в этой «малой морской войне».

Легкий корабль своеобразного устройства часто служат как бы дополнением к другим судам, попарной конструктора, не сумевшего ответить на все требования морской войны, строя один корабль. Есть, например, судно с весьма убойной специальностью: оно только расставляет стальные сети вокруг любых кораблей для защиты их от нападения подводных лодок. Корабль длиной около 50 метров, почти без вооружения, снабжен мощными быстродействующими механизмами для подъема и установки заграждений воле морских судов, у входа в порты. В сетке есть подтяжки, легко — сдвигаются часть, которую корабли-сторож открывает для прохода эскадры.

Легкие корабли часто служат настращивыми лабораториями для испытания новейшего оружия, для борьбы с новыми видами вооружения врага. Когда «сольдаты» корабли, облаченные в толстую сталь, отжигивались в газах, смущающие загадочные магнитизмы, деревянный корабль, еще пахнувший сельдью и овсями, пошел на развалку. Неофициально судно называли «морским самоубийцей», хотя на нем был собран цвет английских физиков. И этот старый корабль, который, весьма вероятно,

расомылся бы от взрыва гранаты, развлекал таинственную магнитную мину: обмотанная «магнитной удочкой», сконструированной английскими электраками, мина доверчиво выплывала из глубины океанских вод и уныне «рыболов» тотчас распотрошила ее до последнего винтика...

Многие развостановочка, совсем не соответствующая шнога размерам и виду корабля, служат опеснейшим оружием разведчика, незаметно следящего за тем, что происходит в водах противника. Действие этой установки оказалось гораздо убийственнее всех случаев смерти, определяемых по фрепу, о которых так много писавось введ войны. Есть крошечные торпедные катера, рассчитанные на одного-двух человек. Как рыба-арлекины, они держатся у края специальных судов, а потом, стравившись, пускаются в самостоятельную Алексее странствия и неожиданно появляются то там, то здесь.

История войны на море знает примеры, когда морские, превращаясь в часть разрушительного механизма, шли за версту смерти: олия устрежили мину на носу маленькой подводной лодки, как сделали севернее в войну Северных и Южных Штатов, другие целились за торпеды, как за буксир, и служили живым рулем, направляющим торпеду в мишень. Англичане усовершенствовали этот метод, создав «книжные торпеды», на которых команда елет вверх, как на фантастической раме. Нужна большая отвага, чтобы подкраситься к вражескому кораблю и прикрепить к нему «алексую мину», вызывающую взрыв через определенный промежуток времени. Но конструкторы настаивали, чтобы у команд «книжной торпеды» была возможность спастись и в худшем случае лишь попасть в плен.

Ижк. А. Морозов

ОТЕЦ И СЫНОВЬЯ

В освобожденном Петровском офицер Красной Армии Кузьмин разыскал двух своих сыновей — единственного Алексея и двенадцатилетнего Владимира. Много горя и лишений пережил мальчики за время хозяйничанья в городе финских и немецких фашистов. Их мать — жена Кузьмина — погибла в концентрационном лагере. В этот же лагерь были брошены оба мальчика, и только вранья доброты финнов спас их от ранней смерти.

Радегина встретил с отцом-обосаблившем. На снимке — офицер Кузьмин со своими сыновьями Владимиром и Алексеем.

Фото Г. Егоровалова

ШАХМАТЫ

Под радницей громеysterа Село Флора

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ПАРТИЯ ЧЕМПИОНАТА

Встреча громеysterов В. Смыслова и М. Ботвинника была центральной партией 13-го всесоюзного шахматного чемпионата. Интерес к этой партии был огромным по вполне понятным причинам. В. Смыслов прекрасно знает турнир в первых семи партиях он набрал 6½ очков. Казалось, что ему практически обеспечено первое место. В этом смысле встреча в восьмом туре с чемпионом страны имела в известной степени решающее значение.

Смыслов, уже завоевавший первое положение, мог, конечно, спокойно играть на выиграно. Но это в характере громеysterа. Он выстоял боем и с самого начала победил партию за партиями. Встреча носила крайне напряжённый характер. Ботвинник показал высокое мастерство в защите и энергично провёл контратаку.

Партия очень содержательная. Она была отмечена специальным призом как лучшая в турнире. Вот эта шахматная дуэль.

Белые Чёрные
В. Смыслов — М. Ботвинник

Французская

1. e2—e4 e7—e6

Смыслов считает французскую партию не вполне «скоррптной». Дело в том, что все партии, в которых его противники играли 1... e7—e6, он выиграл. Ботвинник, наоборот, в самых ответственных партиях избирает французскую защиту.

2. d2—d4 d7—d5

3. Kbl—c1 c18—b4

4. e4—e5 e7—c7

5. a2—a5 c4—c3

6. b2:c3 Kc8—e7

7. a3—a4 Kd8—e6

8. Kc1—f3 Фd8—a5

9. Ce1—d2

Поскольку белые собрались выиграть слона на e3, то здесь кажется более логичным 9. Фd2.

9... e5—e4

10. Kf3—g5 h7—h6

11. Kc5—h3 Ke7—g6

12. Фd1—f3 Cc8—d7

13. Kh3—f4 Kc6—f4

14. Фf3—f4 Ke7—e7

15. h2—h4 Cd7—d4

Получилась характерная позиция в этом варианте французской партии: белые выиграли пешку a4, но слон d4 долго находится вне игры, а чёрные терпят несколько темп. За это время белым удаётся создать атаку на королевском фланге против чёрного короля, который слабо защищён. И партия принимает напряжённый характер.

16. h4—h5 Фa5—h5

17. Kp1—d1 Лf8—e8

18. Cd2—c1 Лf8—e8

19. Cc1—e2

Теперь вопрос в том, кому удастся вовремя использовать свой шанс. Потери темпа тут имеют решающее значение. Смыслов продолжал играть ходом 19. Ce2, но белые делают ход 19. Ce2, утрачивают темп, и Ботвинник получает небольшую передышку.

19... Лf6—a6

20. Kp1—d2 O—O

21. g2—g4 ...

Неудя 21. Ca3 на а2 21... C:c2! 22. C:c7 Фb2 с нейтральной атак.

21... Л7—f6

22... c:f6 Л7:f6

23. Фf4—c7 Лf6—f7

24. Фc7—d8 Kpg8—h7

Ботвинник играл очень оригинально, и кажется, что у белых нет больших возможностей продолжать атаку. Но следующий ход Смыслова ставит перед Ботвинником новые задачи.

25. f2—f4 Фb5—a5

26. Фd3—b8 ...

26... Kc7—e6

27. Фb8—e6 Лf7—e7

28. Фe8—g6+??

Можно было разместить ферзя, но Смыслов играет на атаку.

26... Kc7—e6

27. Фb8—e6 Лf7—e7

28. Фe8—g6+??

Критическое положение партии. Неудачная пешка на d4 мешает за собой провизии. При правильном продолжении 28. Фf8 Фd8 29. Ф:d8 К:d8 30. g5 положение Смыслова при активном расположении его фигур было бы хуже, несмотря на отсутствие пешки. Теперь следуют возмездные контрудары чемпиона СССР.

28... Kp7—g8

29. Ce1—a3 e6—e5

Этот красный ход вывел общее впечатление. Но сам Ботвинник после окончания партии указал, что он мог выиграть проше ходом 29... Фe7. Если тогда 30. Лf1, то Kd4 31. C:b4 Ce8, и белый ферзь пойман.

30. f4—e5 Kc6—d4

31. Ca3—b4

Или 31. Ф:a6 b:a6 32. C:c7 K:c2 33. Kp:e2 Ф:c3. А если 31... Фe7, то Kd4 31... C:b4 Ce8, и белый ферзь пойман.

31... Фa5—d8

32. Фg6—a6 h7—a6

33. c3:d4 Лe7—b7

34. Лd1—d1 Фe7—g5+

35. Kd2—d1 Фe7—a5

Достаточно было и 35... c3.

36. Ce2—f3 Лh7:b4

37. Cf3—d5+ Kpg8—f8

38. Лh1—f1+ Kpg8—e8

39. Cd5—c6+ Kpg8—e7

40. Лd4:b4 Фe5:g4+

Белые сдались.

Крайне содержательная партия, делающая честь обоим противникам.

ЧТО ЭТО ТАКОЕ?

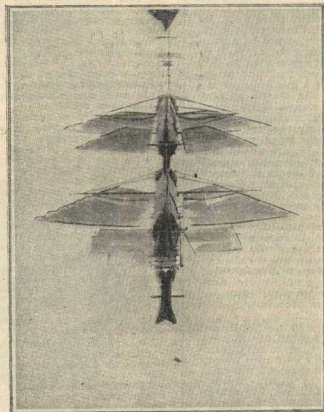
1. Их нельзя ни создать, ни уничтожить; они только могут переходить из одной формы в другую.

2. Они не только порождают, но и поддерживают жизнь. Но слишком большое их количество было бы вредным — мир, каким мы его знаем, не мог бы тогда существовать.

3. Из них состоит вся материя. В одних-других элементах они имеют одинаковый вес, в различных — различный. При химических изменениях они не изменяются.

4. Если ты разрешишь его пополам, то получишь две части с теми же свойствами, что и сам он в целом виде. Если разрешишь какую-либо часть снова пополам, потом снова и снова, то и тогда в каждой части будет сохраняться всё те же свойства. Он играет большую роль в занятии и в воздухе, охлаждении.

ФОТОЗАГАДКА

Угадайте, что изображено на этом снимке.

В НОМЕРЕ:

- С именем Ленина.
- А. БЕЛЕВИЧ — Муравьиный угол. Бабье лето.
- С. НЕРЛИС — Весна вердущая! Пош, серце.
- Академик И. ГРАВАРИ — Генеральный живописец.
- В. ВИКТОРОВ — Перелета Черушки.
- М. ЗЛАТОГОРОВ — Воспоминание.
- Б. ЛАВРЕНЕВ — Названия.
- Рассказ о переправе.
- Л. НИКУЛИН — Злогая звезда. (Продолжение.)
- Молодые поэты: ВЛ. АЛАТЫРЦЕВ — Черемуха. В. РЫМАШЕВ — SKIN — Дерсушка у Хоира.
- В. КАРВОНСКАЯ — Загадочная натура.
- ВЛ. ОРЛОВ — Гость с Дона.
- Чтапи, ли вы?
- Сидя. А. МОРОЗОВ — Оружие моря.
- Шахматы.
- Известности художников Л.БРОДАТЫ, Г. ВАЛЬКА, Д. ДУБИНА.
- На входе: «Л. Н. ТОЛСТОЯ НА ПАХОТЕ» — картина художника И. Е. РЕПИНА.

И. о. ответственного редактора — М. КОТОВ.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Пралды», 24. Тел. Д. 3-34-24. Непринятые рукописи не возвращаются.

Формат 21x110 см. 2½ печ. л. 8и. в печ. л. 98 000. Зап. 1979. Тираж 30 000 экз. Изд. № 513. Д. 5246. Подписано и печатано 20/VIII—44 г.

Типография газеты «Пралды» имени Сталина, Москва, ул. «Пралды», 24.

Лето в Киеве

Республиканский стадион имени Н. С. Хрущёва в Киеве был сооружен ещё до войны. На воскресный день 22 июля 1941 года было назначено торжественное открытие нового стадиона. Оно не состоялось: в это утро Киев подвергся предательскому воздушному нападению гитлеровских бомбовозов — началась война...

Открытие стадиона состоялось спустя три года. Красная Армия освободила столицу Советской Украины от немецко-фашистских захватчиков, Киев начал заживоветь, нанесённые городу гитлеровцами, и киевские комсомольцы и молодёжь восстановили свой стадион. В короткий срок были приведены в порядок спортивные залы, футбольное поле, трибуны, беседки, бассейны, волейбольные и теннисные площадки. И вот некоторое время назад стадион принял первых гостей.

Десятки тысяч киевлян пришли на праздник открытия. Они явились свидетелями увлекательного и красочного физкультурного зрелища, разнообразных спортивных состязаний и выступлений.

Мы проводим несколько фотоснимков, рассказывающих о спортивном Киеве лета 1944 года. Все эти снимки сделаны на стадионе имени Н. С. Хрущёва.

Вверху: справа — спортсменка Остапенко работает на турнире; слева — мировой чемпион по полётию тумблестей Григорий Новик выжимает штангу рекордного веса; в центре: слева — легкоатлет спортивного общества «Спартак» Ермолаев первым финиширует в беге на 1500 метров; справа — физкультурницы-студентки киевских вузов демонстрируют военные упражнения с винтами; внизу — колонна курсантов киевских военных училищ, показавшая приём выкатывания бр.

ТЕАТР военных действий

ПОСЛЕДНИЙ СЕЗОН

ШЁЛ

СОЛДАТ С ФРОНТА.

НЕ ВСЁ КОТУ МАСЛЯНИЦА.

НА ДНЕ (БЕРЕЗИНЫ)

В ЛЁТЧУЮ НОЧЬ

СЕГОДНЯ И ЗНЕСЕНЕВНО!!!
спектакли кругосуточные - без антрактов!

СМЕША

Цена 1 руб.